

ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. А. Листова

Общественно-религиозные праздники на русско-белорусском пограничье («свеча», «Божья свеча», «гулять икону») *

Тихим вечером 2 августа 2007 г., т. е. на день святого Ильи Пророка, на улице д. Малятичи Кричевского р-на Могилевской обл. можно было видеть своеобразную процессию. Во главе ее женщина несла охапку цветов и разбрасывала их по дороге, следующие за ней женщины держали в руках: одна — хлеб и икону, другая — довольно большую и толстую свечу в «платьице». Моросил дождик, поднимался легкий ветерок, но свеча продолжала гореть. Среди идущих были и те, кто сопровождал процессию ничего не держа в руках. Женщины направлялись в один из домов. Таким образом, в начале XIX в. происходил известный еще по литературе XIX столетия торжественный обряд перенесения общинной святыни — свечи от одного хозяина к другому. Обряд, который сейчас весьма редко встретишь на территории Белоруссии и еще реже в России.

Вернемся к прошлому и скажем немного о специфике религиозной ситуации в данном регионе. Известный исследователь истории православной церкви протоиерей А. Шмеман, говоря о гибельных последствиях унии 1596 г., т. е. создания новой греко-католической церкви на восточнославянских территориях, принадлежащих Польше, отмечал и факторы, не позволившие искоренить православие полностью.

«Когда к концу XVI в. почти вся православная иерархия оказалась соблазненной униюй (вернее же правами католических польских епископов и имениями), — писал он, — защиту Православия взяла на себя, с одной стороны, православная “интеллигенция”, с другой же — сам церковный народ»¹. Под интеллигенцией понимались

образованные люди, защищавшие православие «пером и книгой»; протест же мирян выразился в создании церковных братств, наиболее известные из которых действовали в крупных городах. Перевод православного населения в унию и постепенное окатоличивание продолжалось и после присоединения этих территорий к России. Указ царского правительства 1839 г. о присоединении униатской церкви к Русской православной, фактически ликвидировавший унию, не ослабил распространение влияния католичества на местных жителей. И все же православие при поддержке государства постепенно возвращало свои позиции, во всяком случае на восточных окраинах нынешней Белоруссии. Тем более это касается западных, так называемых белорусских уездов Смоленщины, находившихся в зоне активного влияния унии лишь немногим более 40 лет и окончательно освобожденных в 1654 г.

К сожалению, мы очень мало знаем о религиозной жизни крестьян в XVII–XVIII вв., о сохранении в их быту традиций православной церкви и их влиянии на своеобразие обрядово-праздничной культуры. Первые достаточно подробные описания появляются лишь в середине XIX в. Но и имеющиеся данные позволяют ученым утверждать, что жители интересующего нас региона сохранили в основном приверженность Православию. В то же время своеобразие религиозной жизни — влияние трех параллельно существующих христианских Церквей — униатской, православной и католической; переход, часто принудительный, из одной Церкви в другую; не всегда понятные богослужебные отличия каждой Церкви и,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 06-01-00271а.

** В статье использованы фото автора.

¹ Прот. Шмеман А. Исторический путь Православия. М., 1993 (репринт. изд. Нью-Йорк, 1954. С. 372).

наконец, нахождение на периферии влияния как католической, так и Православной Церквей, а также более слабое, по сравнению с центральной частью России развитие приходской, т. е. концентрирующейся вокруг церкви, системы — способствовало сохранению и развитию народных форм общественно-религиозной жизни. Тот вариант обрядовых действий, который мы зафиксировали — это уже слабое подобие традиции, но тем не менее в отношении участниц к совершающему ими действу, в осмыслении ими глубинного смысла и содержания происходящего мы видим то глубокое религиозное чувство, которое руководило их предками почти два века назад.

Полевые исследования дают нам возможность записать массу воспоминаний о сохранении и разнообразии общественно-религиозной жизни в тяжелые атеистические годы советской власти. Это, в свою очередь, позволяет не только расширить наши представления об особенностях вероисповедования в те годы, но и реконструировать, используя также дореволюционные материалы, многие особенности проведения весьма специфичных религиозных мероприятий, лучше уяснить характер их взаимосвязи с общенным укладом жизни и общественным сознанием, а также проследить трансформацию в послереволюционное время.

Общественно-религиозные комплексы, о которых пойдет речь ниже, в науке известны под распространенным в регионе названием «свеча», обязанным своим происхождением центральному атрибуту ритуала. Однако более приближенное рассмотрение обрядовых комплексов на русско-белорусском пограничье показывает региональные отличия однотипных явлений. Традиция, где действие концентрируется вокруг собственно свечи, была широко распространена на Смоленщине, юго-западе Калужской обл. и сопредельных территориях Могилевской обл. На Гомельщине, как и в соседних западных районах Брянщины, под тем же названием фигурировала икона, называемая «свечой» (в дальнейшем мы будем обозначать ее как свеча-икона). Эту особенность в терминологии отмечали и дореволюционные наблюдатели. Так, по данным из Новозыбковского у., в с. Новые Бобовичи «ежегодно переносится по домам храмовая икона и называется это свечою».² По-видимому, для жителей всего региона термин «свеча» означал не только характеристику основного атрибута, но и опре-

деленный порядок празднования. Встречаются в основном в дореволюционных источниках и известные обозначения праздника по празднуемому святому — Михайловщина, Никольщина и т.д.

Некоторые отличия имели общественные празднования с иконой на севере Могилевской обл., где основным обрядовым атрибутом была икона.

Наше исследование имеет в виду исследование двух культурных явлений — общественно-религиозного праздника, его типологии, социальной характеристики, временной специфики, а также символики и семантики основных обрядовых атрибутов и прежде всего вызывавшей особый интерес у наблюдателей и исследователей коллективной восковой свечи. Мы обратим внимание на особенности взаимоотношений лиц и распространение почитания тех или иных святых. Основными источниками для нас служат собственные полевые материалы, собранные в 1998–2007 гг. в Могилевской и Гомельской областях Белоруссии, Смоленской и Брянской областях России, а также этнографические описания XIX в., материалы архива Русского Географического общества (АРГО), Этнографического фонда В.Н. Тенишева (Архив Российского этнографического музея, АРЭМ), и фонда известного исследователя Смоленщины А. Орловского, составившего подробный вопросник для изучения жизни приходов епархии, в котором отдельным пунктом стоял и вопрос о наличии «свечи». Использовались также научные труды, вышедшие уже во второй половине XX в. (Государственный архив Смоленской области, ГАСО. Ф. 391).

Прежде всего обозначим общие характеристики праздничного комплекса, присущие разным его вариантам. Кругом однодеревенцев совместно изготавливались свеча или заказывалась икона, посвященная святому или празднику. Затем данный атрибут ежегодно в праздник с определенными обрядовыми действиями и коллективным празднованием переносился из дома в дом. В тех случаях, когда главным атрибутом была собственно свеча, обязательным обрядовым действием было ежегодное наращивание — «насукование» свечи — отсюда иное название праздника: «сучить свечу», «насуковать свечу». По достижении определенного веса или окончания обхождения всей деревни свеча передавалась в церковь на воск, что приносило церкви доход. Общество же начинало делать новую. Там, где основным атрибутом была икона, ей также сопутствовала

² Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов. 1874. С. 244.

большая свеча, которая, в зависимости от традиции либо также наращивалась, либо каждый раз изготавливалась заново.

Для понимания сакрального смысла обрядовых действий важен именно тот факт, что эти два атрибута — свеча и икона — составляют единое целое и только вместе, с точки зрения исполнителей обряда, имеют законченное символическое значение. Видимо, поэтому местных жителей гомельско-брянского пограничья не смущает сохраняющаяся терминология: здесь до сих пор и саму икону, и празднование называют «свеча». Судя по описаниям из разных мест, патрональная икона, с которой соединена братская свеча, могла также передаваться из дома в дом либо находиться на постоянном хранении в церкви.

Изготовление общих свечей или икон всеми прихожанами — распространенная в православии церковно-приходская традиция. Однако свеча, о которой пойдет речь, или ее семантический эквивалент — икона, имеет существенные отличия от мирской — храмовой свечи. Эта свеча, или свеча-икона, как правило, хранится не в церкви, а у кого-либо из деревенских жителей и выполняет крайне важную для общественно-религиозного самосознания деревенских жителей функцию — становится организующим началом нового сообщества, объединенного патронатом определенного святого, чье покровительство и реализуется через данный сакральный объект. Это сообщество, точно определяемое В.И. Далем как «братьство по свече», связано установленными обычаем правами и обязанностями.

В литературе XIX в. определенный круг лиц, объединенных общим празднованием, часто называют *братьчиками*. Но, судя по материалам разных лет, этот термин, как и термин *братьство*, в изучаемом нами регионе употреблялся далеко не везде. По сведениям В.Н. Добровольского, в Краснинском и Рославльском уездах Смоленской губ. «лица, справляющие свечи, называются *братьчиками*.³ Возможно, эти термины и в прошлом не имели широкого распространения или же со временем вышли из употребления. Во всяком случае в воспоминаниях местных жителей они фигурирует лишь изредка. Например, в д. Золочева Мстиславльского р-на Могилевской обл. говорят: «Братчики — кто вместе собира-

лись. У нас братчики вся деревня, и даже из соседней деревни была». Чаще термин «братьство» в Белоруссии ассоциируют с церковными братствами западных территорий Украины и Белоруссии. Для удобства изложения мы будем обозначать участников, объединенных общей святыней, принятым в науке термином *братьчики* в тех случаях, когда речь идет о соответствующем характере религиозно-общественного объединения.

Часто в свидетельствах наблюдателей подчеркивается, что свеча — это праздник деревень, т. е. тех мест, где отсутствует приходская церковь. «Свеча — значит то, что в селении, где нет церкви, существует один день, избранный для празднования, и память того дня чтится народом. Например, память Флора и Лавра — угодников, которые празднуются в д. Батуровка Суражского у. (ныне — Брянская обл.).⁴ Скорее всего происхождение праздника связано с отсутствием религиозного центра, каким является церковь, или же с некоторым отчуждением от церкви, вполне возможно с переходом православных церквей в униатство. Однако материалы XIX–XX вв. свидетельствуют о том, что сообщество по свече могло представлять собой разные варианты объединений. Братство по свече могло объединять целую деревню, а также часть деревни или села.

Это характерно для всего изучаемого региона и известно как из полевых материалов, так и из дореволюционных описаний. Например, по данным С.А. Дембовицкого, праздник свечи состоит в том, «что один или несколько хозяев делают складку, покупают воск».⁵ О том же свидетельствуют и архивные материалы по конкретным населенным пунктам Смоленской губ. из фонда А. Орловского. Часто авторы подчеркивают общедеревенский характер празднования: «свеча увеличивается ежегодно, пока не обойдет все дворы» (с. Аселье Рославльского у.).⁶ В некоторых ответах содержится подробная характеристика местной традиции. Так, священник из с. Деребуж Рославльского у. перечисляет количество дворов в каждой деревне, совместно празднующих ту или иную свечу. При этом дается и общее число домохозяев в каждой деревне. Например, в д. Жуковичи — 53 двора, а справляют свечу на Казанскую Божью матерь восемь дворов, в д. Асиновка — 19 дворов, празднуют Воздвижение — четыре и т.п.⁷

³ Добровольский В. Н. Значение народного праздника «свечи» // Этнографическое обозрение. 1900. № 4. С. 35.

⁴ Дударев С. А. Сельские обычаи в некоторых местностях Суражского у. Черниговской губ. // Изв. ОЛЕАЭ. Т. XIII. Вып. I. М., 1874.

⁵ Опыт описания Могилевской губернии / Под ред. А. С. Дембовицкого. Могилев, 1882. Кн. 1. С. 494.

⁶ Государственный архив Смоленской обл. (далее — ГАСО). Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

⁷ Там же. Л. 79.

Необходимость делить селение на несколько сообществ нередко объясняла большим количеством дворов, т. е. невозможностью собраться в одном доме для празднования. Так, в д. Малатичи после войны ходили две, по-видимому, одинаковые свечи, поскольку деревня была большая и, по словам жителей, в одной избе все желающие не смогли бы уместиться. Деревню условно поделили пополам: «до перекрестка — своя свеча, дальше по улице — своя». О таком же разделении помнят и жители д. Горы Горецкого р-на Могилевской обл.: «Николу праздновали. Это наша улица, этот край. У нас не одна икона ходила, у нас много икон». В других местах разделение могло и не быть четко привязанным к месту жительства. Можно встретить и указания на то, что для того или иного места традиционно не характерно устройство общедеревенских свечей. Так, по мнению Ф. Жудро, «в Климовичском у. нет мирских, по несколько хозяев. Таких свечей в деревне много».⁸

Как показывают материалы, число лиц, входивших в братство по свече, устанавливалась стихийно, но, скорее всего, в каждом населенном пункте корректировалось сложившейся традицией. Еще во второй половине XIX в. оно бывало весьма значительным. Так, по словам женщины из д. Золочева Мстиславльского р-на Могилевской обл., число братчиков, празднующих Михайловщину доходило до 50 человек, одно это не было объединением всей деревни, ходили и другие свечи. В д. Горы на празднование Николы объединялись семей 10, на Никольщину в с. Издешково Вяземского у. «по три-четыре двора празднуют по очереди».⁹

Как мы уже говорили, одной из основных функций свечи было формирование чувства религиозной общности всего селения или круга семей. Это чувство единения базировалось не только на участии в общем праздновании, но и на реальной сопричастности каждого к подготовке и проведению религиозного действия. Весь праздник, все его элементы и организовались таким образом, чтобы был вовлечен каждый из братчиков.

Общественный характер празднества сказывался прежде всего на материальной стороне его организации. Как правило, авторы XIX в. подчеркивают то обстоятельство, что свечи — это

«Свеча-икона» в красном углу.
Город Мстиславль. Могилевская обл., 2007 г.

«складчина». Для второй половины указанного столетия обычным был сбор воска на ежегодное наращивание свечи. Так, по данным А.С. Дембовицкого, праздник состоит в том, «что один или несколько хозяев делают складку, покупают воск»¹⁰. По сообщению корреспондента РГО из Смоленского у., общая свеча отличается большими размерами, при этом «воск должен быть общий» (с. Хохлово).¹¹ По замечанию М. Лисицына, общий сбор воска более обязателен, нежели совместные траты на угощение. Он писал, что «крестьяне известной деревни собирают прежде всего воск» для общей свечи, а угощение «приготовляется или на общественный счет, или, чаще всего, на счет домохозяина»¹². Иногда источники указывают на обязательность равного приношения воска каждым из участников. В сообщениях священников с мест из Смоленской губ. читаем: «каждыйносит по одному фунту воска на свечу» (с. Деребужье

⁸ Жудро Ф. «Свеча» (белорусский церковно-бытовой праздник) // Могилевские епархиальные ведомости. 1893. № 3. С. 234.

⁹ Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1533. Л. 4.

¹⁰ Опыт описания Могилевской губернии... С. 494.

¹¹ Архив Русского геодезического общества (далее — АРГО). Р. 38. Оп. 1. Д. 23. Л. 35.

¹² Лисицын М. Обряд «сущения» свечи и как к нему относиться? // Смоленские епархиальные ведомости. 1898. С. 271.

Рославльского у.); «крестьяне собирают с каждого двора по 1 ф. воска и лепят большую свечу» (с. Бежники Рославльского у.).¹³

По другим данным можно понять, что принцип складчины не подразумевал обязательности равных долей. Обычай учитывал разное материальное положение братчиков. Так, священник из с. Максимовка Рославльского у. писал о том, что на свечу «каждый домохозяин приносит воску для заготовления свечи по своему состоянию».¹⁴ О том, что каждый из приходящих на празднование свечи на Смоленщине должен принести «посильную дань воску, прилепливая оный к первой свече хозяина», писал в середине XIX в. и В. Бурнашев.¹⁵ Наряду с этим в конце XIX столетия, по традиции некоторых мест, расходы на воск нес сам хозяин. Например, из с. Аселье Рославльского у. сообщали, что угощениe делается складчиной, но «прибавить к свече ½ фунта воска» хозяин должен сам.¹⁶ Во второй половине XX в. общественный сбор воска проводился лишь в случае недостаточности средств у хозяина. По словам священника из г. Хотимска, «если хозяин чувствует себя довольно богатым, то говорит: “Я в вашей складке не нуждаюсь. Я сам насукаю”. Фунт воска купит или свой» (Могилевская обл.). В настоящее время там, где еще празднуют общие свечи, воск, как правило, приобретает хозяин.

В XIX столетии традицией можно считать общий сбор средств или продуктов на совместное угощениe. Эти сборы могли реализовываться разными способами. Например, в Гомельском у. расход на устройство празднества определяли на сходке. Избранные крестьяне — *шапоры* — обходили селение и собирали хлеб, который затем продавали.¹⁷ Аналогичным образом поступали крестьяне д. Батуровка Сурожского у. (ныне — Брянская обл.), а также с. Ярилово Дорогобужского у.¹⁸ По-видимому, это наиболее распространенный вариант получения средств, шедших и на воск, и на

общее гуляние. Относительно размера вносимой каждым крестьянином доли мы имеем разные сведения. Иногда в источниках указывается, что каждый «сыпает хозяину определенное количество хлеба на покупку воска и угощения»¹⁹, но чаще, пожалуй, размер доли мог колебаться в пределах какой-то допустимой нормы, но не оговаривался определенно. Например, в д. Батуровка Сурожского у. приходящий на свечу «берет с собой ржи или другого зерна столько, сколько Бог положит на мысль»²⁰. Точно так же в Быховском у. Могилевской губ. все «несут “по силе” хлеб, зерно, воск, мед, а то и деньги»²¹. Судя по описаниям праздника угощениe было праздничным и обильным: «закупается водка, пекутся пироги и варятся громадные котлы кушания»²². Источники отмечают, что в ритуал празднования свечи «в прошлом» до введения акциза на мед входило и варение меда. Делалось это «торжественно, как бы какое священнодействие — с молитвой, благоговейно, иногда на церковном погосте, почтенными людьми (напр. церковными старостами)».²³

По-видимому, складчина не избавляла каждого хозяина, принимавшего и отправлявшего свечу, от дополнительных трат. В конце XIX в., вероятно, можно говорить об уменьшении доли общей складчины и увеличении расходов хозяев. Так, по данным из Духовщинского у. Смоленской губ., «ужин приготовляется или на общественный счет или, чаще всего, на счет домохозяина»²⁴. В подобных случаях вклад остальных участников празднества мог ограничиваться определенным взносом. Например, священник из с. Аселье Рославльского у. отмечает, что обед и ужин устраивает один из жителей, но на устройство их «бывает сбор хлебом (по полумерке ржи тому, кто справляет “свечу”)»²⁵. Но, поскольку эти траты по очереди брали на себя каждый хозяин, можно говорить о том, что в целом сохранялся принцип коллек-

¹³ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.

¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 170.

¹⁵ Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 2. СПб., 1844. С. 264.

¹⁶ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

¹⁷ Жудро Ф. Указ. соч. С. 235.

¹⁸ Дударев С. А. Сельские обычай в некоторых местностях Сурожского у. Черниговской губ. // Изв. ИОЛЕАЭ. Т. XIII. Вып. 1: Тр. этнографического отд. Кн. 3. Вып. 1. М., 1874. С. 76; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1583. Л. 2.

¹⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1583. Л. 2. С. Ярилово Дорогобужского у.

²⁰ Дударев С. А. Указ. соч. С. 76.

²¹ Жудро Ф. Указ. соч. С. 236.

²² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1583. Л. 2. с. Ярилово Дорогобужского у.

²³ Жудро Ф. Указ. соч. С. 233.

²⁴ Лисицын М. Указ. соч. С. 271.

²⁵ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

тивного общинного распределения расходов, что М.М. Громыко совершенно справедливо рассматривает как замену складчины²⁶.

Во второй половине ХХ в., т. е. времена, которое застали наши собеседницы, основные расходы падали на хозяев свечи, что сохраняется и поныне. Тем не менее никто из участников не приходит с пустыми руками, каждый по-прежнему считает своим долгом соучаствовать в благом деле. Как говорят, «кто желает — дает милостыню трохи. Кто чувствует Бога — давали в помочь. А так сами готовят обед» (д. Хорошевка Добрушского р-на Гомельской обл.). По словам хозяйки общественной Михайловской свечи-иконы из д. Хорошевка, «как ко мне принесли ее, то у меня и воду святили, батюшка святил. И в этом году было служение, певчие приезжали из церкви. Батюшка и люди приходили. Народ, народ — кто 10 000, кто 5000²⁷ даст. Обед я полностью собираю. И раньше — кто-то что-то мог помочь. Деньги дают на помощь» (2006 г.). Определенную роль играют и традиции взаимопомощи. По словам жительниц д. Лужная Ерничского р-на, «угождение делает хозяин. И люди несут. У нас принято и на свадьбу, и на похороны носить. Раньше обязательно хлеб, сало, яйцо. Сейчас больше всего (больше разнообразия продуктов. — Т.Л.)» (Смоленская обл.).

Обычно приносят еду и небольшое количество денег; размер этих приношений не имеет определенных размеров. Вклад каждого участника может иметь и опосредованный характер. Так, в с. Горы Горецкого р-на, где переносили общую икону, пришедшие, как вспоминают, на празднество «завешивают икону подарками — кто деньги, кто чего вешает». Это остается хозяину (Могилевская обл.).

Праздник начинался со сбора участников в доме хозяина, где стояла свеча. Основной момент вечера — коллективное наращивание свечи. Это действие, по общим отзывам, должно было происходить в особо благоговейной обстановке. Приведем описание из Духовщинского у. Смоленской губ: «Все собираются в назначенный дом и тут начинают, прежде всего, молиться

Наращивание свечи. Д.Малятичи.
Кричевский р-н. Могилевская обл. 2007 г.

Богу, каждый своей молитвой про себя. Это продолжается минут 20. А между тем воск ставится в печь и растапливается там. После молитвы его оттуда вынимают и приступают к сечению свечи. При этом употребляются гладко выструганные дощечки, на которых из остывшего воска делают вощаные пластинки, а из последних крутят свечу²⁸. Сходное описание есть и из с. Издешково Вяземского р-на (ныне — Сафоновский р-н Смоленской обл.), где свечу праздновали на Николин день. В дом, где будут праздновать к вечеру собирались «старики — хозяева семейств, с которымиправляют вместе. Старики зажигают свечу перед иконой Николая Чудотворца». После молитвы «садятся за стол, выпьют, закусят и начинают “свечу сечь” — жуют соты и выплевывают их в чашку с водою. После этого из пережеванного воска вылепляют толстую-претолстую свечу и ставят перед иконой Николая Чудотворца²⁹. Порядок коллективного наращивания свечи сохранялся и в ХХ в. Как вспоминает жительница Чериковского р-на Могилевской обл., у них в деревне общая свеча была около метра высотой. «И каждый год наращивают. Вот она у меня, я купляю воску и наращиваю, сколько надо. Все помогают, вечером приходят и помогают» (д. Речица). Аналогичную картину мы видели и в д. Малятичи.

²⁶ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 146.

²⁷ Приблизительное соотношение валют: 1 руб. российский = 75 руб. белорусским.

²⁸ Лисицын М. Указ. соч. С 271.

²⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1553. Л. 4.

Одевание наращенной свечи

На следующий день свеча или свеча-икона переносились в дом нового хозяина. Но прежде следовало отслужить определенные молебствия. В зависимости от традиции и место расположения селения (удаленность от церкви) они могли совершаться в церкви или дома, но в любом случае являлись обязательной составляющей праздника и проходили, по общим отзывам, весьма торжественно. По сообщению из Рославльского у. Смоленской губ., в с. Максимовка праздновались две свечи — Михайловская и Никольская. Причем, из данного сообщения видно, сколь важна была именно молитвенная часть. Празднество «состоит лишь в том, что по домам служат молебны святым этим, причем накануне молебнов служится всенощная, на которую каждый домохозяин приносит воску для заготовки свечи».

Церковное служение дополняет молитвенное участие мирян: «После всенощной грамотные по очереди читают акафист перед иконой, а остальные поют. Это всю ночь». Аналогичным образом проходила свеча и в с. Осовик того же уезда: «Во всех деревнях свеча. Обязательно — всенощное бдение, куда приходят молиться все домохозяева»³⁰. Об этом же вспоминают и пожилые жительницы д. Неглюбка, где праздновали общую свечу-икону: «Ночь молятся около ее и день». Там, где издавна существовала традиция принесения

свечи (свечи-иконы) в церковь на службу, местные жители всеми силами старались соблюдать эту традицию и в тяжелые годы атеизма. Так, старушки из д. Малятичи сетовали на то, с какими трудностями при отсутствии регулярного сообщения им приходилось добираться до действовавших церквей. Интересно, что, несмотря на антирелигиозное время, местные власти, как правило, не только не препятствовали верующим, но и помогали. «Раньше со свечой — и на сено, как сено рано утром везут в город. А потом уже Ткаченко, как зерно возили и обязательно, машину, как отвезли нас. Это председатель колхоза. Он нам и дома давал оставаться, тогда ж строго было. Это, наверное, до Брежнева».

Для понимания семантики свечи, ее функций, с точки зрения исполнителей обряда, важно рассмотрение содержания именно церковной части, независимо от того, где она проходила — дома или в церкви. М.М. Громыко, рассматривая празднование свечи как вариант известных в России братчин, в качестве одного из определяющих ее признаков отмечает поминальную составляющую, основываясь, прежде всего на идентичности терминологического обозначения угощения на братчине и поминального блюда.³¹ Однако что касается празднования свечи, то из материалов видно: поминание усопших, как обязательная часть, входила в общий молитвенный комплекс отнюдь не везде. Так, по сообщению из с. Мокшево Смоленского у., здесь при праздновании свечи «берут из церкви икону соответствующего святого, приглашают священника, совершаются молебствия, водосвятие, акафист Божьей Матери и Спасу, панихиду по умершим».³² Ф. Жудро особо отмечает, что в молениях «при свече» «по местам бывает и поминование усопших».³³ Скорбные мотивы звучали на празднике свечи в Масальском у. Как пишет В.Н. Добровольский, «над свечею там бабы жалобно причитывали, как над покойником: “Ох, свеча,

³⁰ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 170; Д. 4. Л. 197.

³¹ Громыко М.М. Указ. соч. С. 141-144.

³² ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 32 об.

³³ Жудро Ф. Указ. соч. С. 233.

ты матушка наша!” Проголосят сначала батьку и матку: “Што ж вы родители, меня оставили одну свечу справлять, а моя жисточка и закупится и заложится”³⁴. Данный причет напоминает причеты новобрачной в отношении умерших родителей.

В сообщении из Новозыбковского у. подробно указан порядок служб, сопровождающих празднование свечи. Это обычный чин служения празднику: «Накануне праздника после малой вечерни хозяин, празднующий свечу, несет из храма храмовую икону. Священник поет повечерие и ирмосы праздничного канона, после ектении многолетие: следует вечеря». На следующий день «после литургии священник читает молитву коливу»³⁵. Эта молитва читается одновременно и в честь святого, празднуемого в данный день, и в память усопших³⁶. Отметим, что в указанной местности коливом и сейчас называют основное поминальное блюдо. Однако связывать напрямую поминание и празднование свечи мы не можем, так как молитва коливу читалась лишь в церкви. В доме, где находилась свеча-икона читались только молитвы за здравие. Возможно, в прошлом поминание усопших, тем более усопших братчиков, объединенных общей свечей, более широко входило в общее празднование.

Вместе с тем по отношению к XIX, а тем более к ХХв., мы можем утверждать, что основная направленность всей молитвенной части — это испрашивание здоровья и благополучия всем участникам праздника, а также их чадам и домочадцам. По воспоминаниям местных жителей, наряду со свечей в церковь обязательно подавались и записки о поминании — всегда о здравии. Причем акафист заказывался на общий счет братчиков. Сейчас даже там, где сохранилось празднование, платит, главным образом хозяин свечи, который и возит ее в церковь, но желающие приносят ему заблаговременно записки с именами о здравии всех родных и деньги на оплату. Как поясняют, «за упокой тоже записки подают, но это отдельно, не на свечу» (д. Малятичи). В пользу того, что основная направленность свечи — общее моление о здравии — говорит еще один интересный факт. Мы имеем в виду исполнение священником чина панагии во время молебствий со свечой.

Трудно сказать, везде ли существовала традиция исполнения этого чина, но сообщения о нем есть из разных мест. Напомним, что Панагией греки называли Божью Матерь. С XIVв. в восточных монастырях существовал особый чин «возвышения Панагии», вошедший позднее в практику русских обителей и великоцерковных и царских трапез. Суть его в том, что из специальной богослужебной просфоры изымалась частица хлеба в память Богородицы, затем присутствующие после братской трапезы «первыми перстами обеих рук» поднимали эту частицу вверх³⁷. Из расшифровки символического содержания данного чина Симеона Солунского ясно и значение данного хлеба: «треугольная часть» изымается «от предлежащего хлеба о спасении всех»³⁸. В дальнейшем чин панагии стал совершаться священнослужителями в разных обстоятельствах, особенно «когда кто имеет потребность в ходатайственной помощи» Пресвятой Богородицы. Чаще всего это было связано с отправлением в дальний и опасный путь. В таких случаях богочестивый хлеб брали с собой как охраняющую от всех опасностей реликвию.

Возможно, в богослужения по поводу празднования свечи этот обычай перешел из монастырской жизни, как составная часть братских трапез. Имела, безусловно, значение и его функция оказания помощи молящимся. В настоящее время этот чин практически не встречается в церковной практике. Ничего не могут сообщить о нем и молодые священники. Однако, как будет сказано ниже, он сопровождал празднование свечи даже во второй половине XXв.

Приведу имеющиеся у нас сведения. В описании празднования свечи (свечи-иконы) в Новозыбковском у. есть лишь упоминание о том, что в доме, где находится свеча-икона «поется молебен святому с чином о панагии»³⁹. В подробном рассказе о богослужебной части праздника в Минской губ. священник И. Сцепуржинский отметил главные элементы совершения чина панагии, которое местное население называло «братское богомолье». Из данного ниже рассказа видно, что обряд сохраняет основные особенности канонического чина. После того, как совершены необходимые действия с братской свечой, ее зажигают. «Хозяйка дома застилает на столе

³⁴ Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 36.

³⁵ Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 244.

³⁶ Новая скрижаль. Свято-Успенская Почаевская лавра, 2003. С. 504.

³⁷ Награды русской православной церкви. М., 2001. С. 27; Новая скрижаль. С. 535.

³⁸ Новая скрижаль. С. 536.

³⁹ Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 244.

белый платок, кладет на него хлеб и нож для вынутия частицы хлеба. Священник в эпитрахили начинает совершать чин Панагии, по местному выражению “заздоровный хлеб”. Когда начинается пение величания и “блажим тя вси роды”, хозяева берутся за платок, на котором лежит хлеб с вынутой частицей, и то поднимают оный, то опускают, повторяя за хором величание; многие же, по тесноте, не могущие взяться за платок, то поднимают, то поднимают руку, в знак своего участия в молитве. Чин Панагии по местному обычаю оканчивается провозглашением многолетия Государю императору, Святому Синоду, епархиальному преосвященному и прихожанам деревни, где поименно поминаются все живущих в ней и возглашается им многолетие»⁴⁰.

А уже в середине XX в., по воспоминаниям одного из старейших и наиболее опытных священников Могилевщины о. Кирилла из Хотимска, прослужившего в приходе почти 50 лет и имевшего возможность наблюдать службы в других храмах, церковная часть, включая чин панагии, происходила следующим образом: «Утром несут свечи в церковь. И в церкви специально ставится столик, на который эти свечки. Подаются записки с именами. После литургии служится акафист или молебен, читаются имена. К каждой свече приносится булка — купленная или своя, выпеченная. Записки — только за здравие всех участников свечи. Но на свечу еще и деньги все вносят. Складчина. Много булок лежит. И когда та служба окончится, уже конец этому обряду, тогда с каждой булкой вырезают кольцо такую прямоугольную частицу. Кладут крест на блюдо и эти частички туда кладут. И потом все общими усилиями берут это блюдо руками, поднимают вверх и поют величание. В Климовичах (соседний район) поют тому, кому посвящен храм — Михаилу архангелу. Потом разбирают каждый свое, берут свечи и уходят» (г. Хотимск).

При известной вариативности порядка празднования свечи, о котором мы скажем ниже, обязательным элементом было перенесение свечи в

Акафист Пророку Божию Илье рядом со свечей

дом следующего хозяина. Происходило оно, как правило, после положенных церковных служб и застолья. В дореволюционных источниках обычно сам эпизод перенесения описывали довольно кратко, отмечая общие черты: «хозяин дома, в котором отбывалось братское богомолье, после угощения кладет три земных поклона перед иконой, берет братскую свечу и несет при пении величания празднуемому святому к следующему хозяину в сопровождении народа, поддерживающий под руки крестьянами»⁴¹. В основных чертах этот ритуал сохранялся до недавнего времени. По рассказам жителей д. Неглюбки, «ночь молятся около ее и день (общей свечи-иконы. — Т.Л.). Тады собираются люди, победают и несут. Берут ее на руки два человека и несут, и люди все за ей и поют. Поют акафисты и другое — як в церкви» (Ветковский р-н Гомельской обл.). Передача свечи могла чаще всего осуществляться при входе во двор нового хозяина. Как локальный вариант можно отметить обычай в д. Лужная Ершичского р-на. Здесь общую свечу и хозяйственную икону несли до перекрестка. После этого икону кто-то относил обратно, а общую свечу брала новая хозяйка и в сопровождении своей иконы переносила в дом.

По торжественности, молитвенному сопровождению, поведению участников шествие со свечой напоминало крестный ход. Впрочем, иногда именно так и определяют его сами священники, участвовавшие в перенесении свечей. По словам

⁴⁰ Свяц. Сцепуржинский И. Братская свеча (этнографический очерк) // Странник. 1877. Год 18-й. Т. I. СПб., 1877. С. 152.

⁴¹ Свяц. Сцепуржинский И. Указ. соч. С. 153.

приходского священника из д. Хальч Ветковского р-на, во время перенесения «читается акафист, освящается вода и идем крестным ходом, несем икону и свечу. Люди под икону ложатся, просят, например, у Казанской Божьей Матери помочи, заступления, здравия чтобы Господь дал» (2006г.). Как правило, данный характерный для крестных ходов с выносом храмовых икон эпизод — подхождение под икону — распространяется там, где основным обрядовым объектом была именно она (которая, напомним, могла называться свечой). Сообщения об этом есть из разных районов: «Как икону Рождество переносили, то под нее старались все пройти, у кого что болит» (д. Горы Горецкого р-на Могилевской обл.); «икону Варвару переносим из дома в дом. Пели псальмы, делали постный стол. Когда несли, под икону видел как пробегали дети» (д. Коптевка Горецкого р-на). Там же, где основным атрибутом была собственно свеча, подобное поведение не отмечалось.

Наиболее распространенным и традиционным, судя по дореволюционным источникам, было устилание всей дороги, по которой несли свечу, — от дома до дома — соломой, что обычно рассматривается как действие продуцирующего характера. Но, видимо, имело значение и нежелание нести святой предмет по голой земле. Об этом свидетельствует, например, принятый в некоторых местах обычай выносить из дома и вносить икону в дом по расстеленным скатертям или полотенцам (д. Лужная Ерничского р-на Смоленской обл.)⁴². Увиденный в д. Малятичи вариант перенесения свечи с разбрасыванием цветов, возможно, более поздний вариант, но не исключено, что данное оформление переноса свечи повторяет у обычай разбрасывать цветы при выносе плащаницы на день Успеня Божьей Матери⁴³.

Обычай переносить свечу поздно вечером сложился, видимо, в советское время, когда власти стали преследовать любые религиозно-общественные мероприятия. Пожалуй, во всех воспоминаниях наших собеседников речь идет именно о ночном проведении совершаемых действий. «Бабушка ходила и пела псальмы и акафисты. Потом несут ночью — свеча эта горит, икону несут и поют. До дома определенного. Там

встречают, оставляют свечу там» (д. Морозовка Чаусского р-на). По-видимому, ночное время лишь усиливало эмоциональное восприятие происходящего, давало ощущение его особой святости. Как вспоминает одна из жительниц Кричевского р-на, «видела в Мышковицах, как переносят. Несут свечу, темно, свеча горит. Ветер, а она не тухнет. Ну такая благодать была» (д. Малятичи Кричевского р-на). Правда, в силу обстоятельств от молитвенного пения во время переноса иконы подчас приходилось отказываться. Люди вспоминают: «Как религию ликвидировали, то молчаками ходили» (д. Хорошевка Добрушского р-на).

Особым ритуалом, включающим разные по семантике обрядовые действия, сопровождался и момент передачи свечи (свечи-иконы) от одного хозяина к другому. Пожалуй, основным содержанием его можно считать стремление тем или иным действием показать сохранение единства объединенного общей святыней коллектива, а также материального благополучия в рамках братского объединения. Передача свечи оформлялась не просто как переход в другие руки, а как своего рода обмен, при котором отдающий получает некое возмещение ушедшей от него святости. Как мы видели в д. Малятичи отдающая сторона несет не только свечу и икону, но и хлеб-соль — последними обязательно встречают пришедших. Аналогичная картина характерна и для Смоленщины (д. Лужная Ерничского р-на), и для Гомельской обл.⁴⁴ Передача свечи сопровождается обменом хлебом-солью.

Этот обряд имеет еще один важный смысл. Свеча в доме воспринималась как покровительница не только здоровья домочадцев, но и достатка в хозяйстве. О освещающем значении свечи свидетельствует обычай ставить ее в емкость с зерном, что вызывает аналогии с обычаем помещать иконы, прежде всего икону Богородицы, на зерно во время пасхальных обходов. Так, наблюдатели сообщают: «по изготовлению свечу ставят в сеялку, наполненную каким-то зерном» (Минская губ.)⁴⁵; «свеча ставится в севалку с овсом или рожью» (Духовщинский к. Смоленской губ.)⁴⁶; «изготовленная свеча затапливается и ставится в коробку с житом»⁴⁷; гото-

⁴² Раманава Л. «Свяча ці народам, ці богам суджана» // Родное слово. Минск, 2004. № 3. С. 104.

⁴³ О том, что в некоторых деревнях Гомельщины принято было на пути свечи бросать цветы, еловые ветки, листья аира пишет и Л. Романова (Раманава Л. Указ. соч. С. 104).

⁴⁴ Там же. С. 104.

⁴⁵ Свяц. Сцепуржинский И. Указ. соч. С. 151.

⁴⁶ Лисицын М. Указ. соч. С. 271.

⁴⁷ Жудро Ф. Указ. соч. С. 234.

вую свечу «ставят в кадушку с рожью под образами... На другой день берут кадку со свечой и несут в дом другого товарища»⁴⁸.

Свеча помещается в зерно и там, где основной обрядовый атрибут — икона, а свеча — обязательный элемент ее сопровождения, как, например, в с. Новые Бобовичи нынешней Брянской обл.: «Хозяин встречает икону с хлебом-солью и с коробочкою жита, где становится свеча его»⁴⁹. В других вариантах, о которых помнят местные жители, на зерно клали оба основные атрибута ритуала: «Свечи делали большие к иконам. Потом на веко от дежи насыпали зерно и ставили свечу и икону» (д. Неглюбка Ветковского р-на Гомельской обл.). Освещающее значение коллективной реликвии могло сказываться и в «технологии» изготовления свечи. В некоторых местах на начальной стадии изготовления использовали бутылку с зерном, на которую налепляли воск (пос. Андраны Мстиславльского р-на; д. Речица Чериковского р-на). То же значение имели и некоторые локальные варианты ритуала, например, осыпание свечи зерном (д. Неглюбка). Поэтому обмен хлебом мог иметь целью сохранение достатка в хозяйстве предыдущего владельца, лишившегося святой покровительницы.

То же значение — демонстрация общности братчиков и сохранение материальных благ — имеют и следующие действия, записанные дореволюционными исследователями. Приведем описание ритуала из Духовщинского у.: «Оба хозяина берут ведра и наполняют их до половины квасом; затем поднимают икону и свечу и идут к воротам другого хозяина, у которого должна храниться свеча. У ворот останавливаются. Прежний хозяин вливают новому в ведро свой квас, последний выливает его обратно в ведро первого, этот в свою очередь делает то же самое и так повторяют шесть раз (по три раза каждый). После этого оба хозяина приветствуют друг друга словами: “Ну, куманек, будь здоров” и целуются»⁵⁰. В Минской губ. встреча хозяев выглядела так: после обмена поклонами новый хозяин «берет из братской сеялки горсть зерна и сыплет в свою сеялку, а держащий братскую свечу берет из его сеялки тоже горсть зерна и сыплет в свою сеялку, и это повторяется до трех раз. После сего переставляется братская свеча

в сеялку другого хозяина, затем оба хозяина с сеялками и свечами, взявшись за руки, обходят друг друга вокруг три раза. Такое крестообразение делается для того, чтобы они на веки вечные имели средства отправлять богомолья. После сего хозяева целуют друг друга, кланяются друг другу и расходятся по домам»⁵¹.

По распространенному варианту свечу или свечу-икону не сразу вносили в новый дом, а сначала обносили вокруг «хозяйства», чтобы она благославила новое местонахождение на плодородие в скоте и урожае. Особыми ритуалами сопровождались и моменты выноса и вноса реликвии в дом. Приведу подробное воспоминание одной из жительниц д. Горы Горецкого р-на о том, как происходил ритуал перемещения общей реликвии (в данной местности это икона): «Вот я беру икону. У меня уже столы. Правда, не накрытые. Стол стоит. Беру я икону. И с этой иконой я иду впереди, за мной все люди идут. И эту икону три раза обносят. И всё поют псалмы. Вокруг дома обносят обязательно, вокруг сарая, ложится солома кругом, и кругом обходят. Как я Николая приносила, так у мене всё было не огорожено, кругом обносили, тогда уже только дом обносили. Это и когда уносят также. Дома стол стоит, кругом обносят, ставят на стол, опять обносят, опять поставят. Три раза так, и все садятся. Молятся — минут 45 или час, на коленях стоят. Потом хозяева ставят столы и за столы садятся».

Перенос основной общественной святыни из дома в дом — особенность, характеризующая наиболее типичный вариант праздника свечи. Однако рассмотрение массового материала относительно особенностей его прохождения на российских территориях, т. е. в современных Смоленской, Брянской и Калужской областях, свидетельствует о некоторых существенных отличиях в сравнении с Белоруссией. Можно утверждать, что главное отличие заключается в том, что в России более явно выражены особенности, сближающие данный праздник с церковными обходами с иконами, более очевидна вовлеченность всего селения в религиозное мероприятие. Дело не ограничивается переносом общественной святыни, но включает разные формы общих молебнов по домам. Приведенные ниже описания дают разные варианты обязатель-

⁴⁸ Опыт описания Могилевской губернии. С. 494.

⁴⁹ Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 244.

⁵⁰ Лисицын М. Указ. соч. С. 271.

⁵¹ Свяц. Сцепуржинский И. Указ. соч. С. 152.

ного соотнесения двух православных атрибутов праздника — свечи и иконы. Последняя может быть деревенской, хранящейся у кого-либо в доме или же храмовой, возможно, также мирской.

Приведу подробное описание обычая из с. Несоново Рославльского у. Смоленской губ. Обратим внимание на то, что действие происходит в деревнях, где нет церкви. «Обычно крестьяне какой-либо деревни назначают день для празднования. Накануне этого дня совершаются всенощное бдение в доме одного из хозяев той деревни, где “свеча” должна быть. К всенощной собираются все домохозяева деревни. Под иконой празднуемого святого поставляется свеча общая, которая составляется из обязательных ежегодных пожертвований в известном количестве воску. В самый день празднования в домах — молебен, причем общая свеча вместе с иконою празднуемого святого вносится в дом каждого крестьянина. По окончании молебства в домах свеча, увеличенная прибавлением воска, передается на хранение соседу — хозяину следующего дома до празднования святому в следующем году»⁵². В Духовщинском у. в дом, где годовалась свеча, приглашались священник с причтом, которые приносили икону. «Отсюда начинается богослужение. Свеча ставится перед иконой... После молитвы в одном доме свеча переносится в другой и т.д., по всей деревне. По окончании богослужения свеча приносится опять в тот дом, откуда она так сказать вышла. Здесь дьякон произносит ектению “Помилуй нас, Боже”, на которой поминаются хозяин дома, хозяйка и сродники их». После этого свеча и икона отправляются к новому хозяину, но на следующий день икона возвращается в церковь⁵³.

Аналогичным образом дело происходило в Жиздринском и Масальских уездах Калужской губ., однако здесь в обходе причта с иконой по деревне общая свеча не участвовала, оставаясь в доме нового хозяина⁵⁴. В с. Хохлово Смоленского у. во время праздников свечей на дни Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы свечу «обносят кругом деревни, потом в известный двор и там праздник»⁵⁵. Иногда в источниках нет указаний на то, что свеча и икона или хотя бы одна из святынь участвовала в обходах домов, тем

не менее элемент традиционных обходов присутствовал. Например, так было в деревнях с. Аселье Рославльского у., где кроме положенных молебнов, связанных со свечой, до обеда происходило служение молебнов Николаю Чудотворцу (Никольская свеча) в каждом доме⁵⁶. В белорусских материалах нам встретилось только одно указание на то, что в Климовичском у. молебен в день праздника служится в доме каждого из братчиков. Правда, речь идет не о общедеревенских празднованиях, а праздниках сообщества нескольких семей⁵⁷. По-видимому, указанные особенности празднования связаны с тем, что на территориях, присоединенных к России ранее, чем белорусские губернии (более, чем на 100 лет), приходская система религиозной жизни была развита сильнее.

В России встречался и вариант празднования свечи, заключающийся в ежегодном коллективном изготовлении новой свечи, т. е. без переноса в новый дом, и обязательном наращивании. Так, в с. Вежники Рославльского у. «шестого декабря — свечи. Крестьяне собирают с каждого двора до одного фунта воска, лепят большую свечу, эта свеча уставляется малыми свечами, из церкви берут икону свят. Николая, Варвары муч. И служат молебны»⁵⁸.

Судя по дореволюционным материалам и нашим записям, праздник заканчивался веселым общим застольем с употреблением изрядного количества алкогольных напитков, а прежде — деревенского пива. Можно сказать, что по характеру проведения весь праздничный комплекс делился на две части. Первая — молитвенная, как говорят, «скорбная», которая сопровождала наращивание свечи и последующий за этим ужин, перенос свечи в другой дом. Вслед за этим опять молились, а затем уже начиналось гулянье. Сами жители так объясняют специфику проведения каждого этапа праздника: «Первый день сдержанное. Это как обращение к Богу. Не могу же я с песней к Богу идти просить что-то веселенькое такое. Это надо через слезы, через все такое — это же прошение. А на второй день мы уже благодарим, идут песни, танцы» (д. Малятичи Кричевского р-на). Одна из наших собеседниц дала очень точное опреде-

⁵² ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 193 об.

⁵³ Лисицын М. Указ. соч. С. 271.

⁵⁴ Громыко М.М. Указ. соч. С. 135.

⁵⁵ АРГО. Р. 38. Оп. 1. Д. 23.Л. 35.

⁵⁶ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

⁵⁷ Жудро Ф. Указ. соч. С. 235.

⁵⁸ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 43 об.

ление характера проведения праздника: «это як на Радоницу — до обеда печальный. А там уж [гуляют]» (д. Речица Чериковского р-на).

Как правило, дореволюционные источники мало что говорят о том, когда, как и по какому поводу была начата общественная свеча. По отдельным сообщениям можно понять, что начало ее имело коллективный принцип. Однако полевые материалы показывают, что общественной, т. е. переходящей из дома в дом, могла быть и свеча, сделанная определенным лицом по обету. В дальнейшем личная свеча, передаваемая из дома в дом, уже не воспринималась как собственность одного человека. Особенно данный вариант возникновения общей святыни характерен для восточных районов Гомельской обл. Все начиналось с частного обета на изготовление и празднование свечи, чаще всего по болезни человека или его детей. «Семка Давыдов, у него болели ноги, и он обрекнулся сходить в Киев принести икону. Сходил, принес Феодосия икону». Однако в дальнейшем эта икона пошла по домам, причем уже не воспринималась как собственность одного человека: «Это его личная икона, но люди все равно брали — год у одного, год у другого. Он пустил по всему народу. И идеть, идеть. (Она считается его?) Нет, дадено — и пошло. Тогда общая становится. Создал — и все» (д. Неглюбка Ветковского р-на). Восприятие данной иконы как общей покровительницы оказывалось, в частности, в характерном для данной местности варианте личного обета: отдельные оброчники жертвуют по желанию что-либо на эту икону: «Вот у меня стоит свеча, вы захотели что-то обрекнуть — принесли свой рушничок, повесите. И так много навешают рушников. Как у вас какая неурядица, обрекаетесь, приносите, на мою свечу повесите».

Аналогичным образом появилась и общественная свеча в д. Казацкие Балсуны Добрушского р-на. Из рассказов и комментариев к ним местных жителей становится ясным, что особую действенность в их глазах имел не просто исполненный для себя обет — приобретение иконы, а именно тот факт, что она была сделана для людей и давала возможность другим реализовать религиозную потребность помолиться и обратиться к Богу. По рассказу, общую икону первоначально сделал по обету один из жителей — Петр Казаков: «Он молодой был, шустрой, и на гумне они что дела-

ли, и ему нож попал в колено. И он стал хромый. И ен тады шил шубы, швеем был. Зробил гроши и обрекнулся, чтобы здоровым быть. Чтоб нога не болела, купил эту икону Рожество. Обрекнулся пустить, чтоб люди молились Богу. И носили из дома в дом и праздник Рожество. Да. И сразу пойдет на пользу» (2006 г.).

История еще одной общей свечи-иконы из той же деревни, и поныне хранящейся у местных жителей, также связана с личным обетом: «Дети мэрли. И прадед обрекся сделать свечу (икону). Пешком дошел до Киева, купил там три иконы, одну на свечу. Она ходила, потом к нам вернулась. Это дедушка мужа». Такие же свечи или иконы встречались и в других районах Белоруссии. Например, в д. Горы Горецкого р-на «ходила» большая икона Рождество Христово, изначально личная. Затем эту икону «носили по деревне из одного дома в другой, праздновали Рождество». По словам женщины, чей свекор купил икону Рождества, «из нашего дома носили Рождество, а Николу и Варвару из других домов».

Как мы говорили, некоторые особенности в характере объединений вокруг основного обрядового атрибута и праздничных посвящений очевидны на севере Могилевской обл. в Горецком р-не. Во-первых, здесь ярко был выражен принцип объединения по половозрастной принадлежности. Во-вторых, основными, а иногда и единственными святыми, кому посвящались коллективные праздники были два — святая Варвара (16 декабря) и Николай Чудотворец (19 декабря). Интересно, что лица, приехавшие в данную местность из других регионов и занимающиеся народной культурой, сразу отмечают распространение почитания «пары» святых — Варвары и Николая Чудотворца, считая это спецификой востока Белоруссии. Само празднество выглядело так же, как и в районе гомельско-брянского пограничья: объединяющим атрибутом была икона. Как говорят очевидцы, «большая икона в киоте, один ее и не понесет». В данной местности икона не называлась свечой, а сам обычай называли «гулять икону», «справлять икону». В день празднования к ней из общего воска лепили и зажигали большую свечу. С этой свечой икона и переходила в новый дом. На следующий год делалась новая свеча⁵⁹. Встречались, правда, варианты, когда хозяева, которые забирали икону, должны были нарастить

⁵⁹ Данный вариант празднования белорусская исследовательница О. Лобачевская, основываясь на своих полевых работах в Горецком и Дрыбинском районах Могилевской обл., считает особенностью именно этих мест. Подробнее см.: *Лобачэская В. Абрад «гуляць ікону» як прайва народнага хрысціянства на беларуска-расійскім памежжы // Памежжы Беларусі міждысцыплінарнай перспектыве. W-wa, 2007. С. 403-429.*

воском свечу (д. Коптевка Горецкого р-на, на границе Горицкого и Мстиславльского районов). Немного южнее, на севере Мстиславльского р-на, существовал уже некий переходный вариант: круг посвящений несколько более широк, хотя основными празднуемыми святыми остаются Никола и Варвара, но центральным атрибутом является уже ежегодно наращиваемая свеча.

По данным белорусской исследовательницы О. Лобачевской, празднество каждого из этих святых продолжалось три дня — с 16 по 20 декабря. О том же говорят и наши собеседницы. Особенно усердно праздновали перенос иконы Николы (зимой) в д. Горы. По словам местных жителей празднество продолжалось пять дней — два у бывшего хозяина и два у нового, после чего гости возвращались к прежней хозяйке домуливать — *мыть миски*. Своебразием отличается и общественный праздник перенесения иконы Николая Чудотворца, известный под названием «Святой Никола по селу ходит» в д. Ляды Дубровенского р-на, что в целом не характерно для Витебской области. Празднество сопровождалось разнообразием обрядовых действий и музыкально-песенным исполнением.

Объединения братчиков строились по полувозрастному принципу. Святая Варвара считалась покровительницей женщин, прежде всего девушек. Возможно, объединения женщин — более поздний вариант. Поскольку сообщений о данном варианте объединений, в дореволюционный период в нашем распоряжении нет (во всяком случае, пока таковые не выявлены), мы можем основываться только на воспоминаниях пожилых жителей, относящихся, главным образом ко времени их молодости. Приведу сообщение жительницы пос. Андраны Мстиславльского р-на: «У нас свечу делали Варвару — вся наша молодежь складались, собирали яйца, купляли воск и делали свечу. И переносили ее. Это девушки свечи. Ребят на Варвару не звали, только девки. У них своей иконы не было. Мы, девочки, отпразднуем-

ся, тогда шли туда, где играют. Выросли — отдали свечу в церковь. Мы, девочки, заново начали свечу делать. Мне где-то лет 16 было, мы склались, попросили у батек, чтобы дали нам зерна, чтобы купить воску. Они нам дали, и нас где-то 15 девок собрались, занесли зерно и купили 1 килограмм воску. Сделали маленькую свечу,

Праздничная трапеза

потом поехали в церковь в Мстиславль. А пока мы не сделали, ни у кого не было свечей. А мы решили, у меня тетка была богомольная, она нам предложила. (Возможно, была традиция, потом стала угасать, может быть, где-то слышала, но общей реликвии всего села не имелось. — Т.Л.). Как переносили — пели, там же взрослые были. Праздник веселый (т.е. сказывался обычный для молодежных объединений характер празднования. — Т.Л.). Несли к тому, кто сам приглашал. Это же надо отпраздновать. А в церковь потом отдали — мы уже выросли».

Выбор святой Варвары как покровительницы девушек наши собеседницы объясняют историей ее жизни, которое, надо сказать, многие неплохо знают. «Варвару праздновали девочки, замужние не были, може, которые были родственники. Только девчата гуляли и песни пели. Она же девственница была. И также из дома в дом переносили, и также обрекались». В «старое время», как говорят, «девочки сами пели псалмы, знали и акафисты». Но уже во времена молодости нашей собеседницы, т. е. лет 50–60 назад, как правило звали стариков, которые вели всю религиозную

часть. По-видимому, святая Варвара была столь почитаема в данной местности, что посвященная ей свеча или икона присутствовала в разных ситуациях, особенно когда следовало позаботиться о счастье девушек. «Делали Варвару, это девушек свеча. И переносили. И икону себе сама купила Варвару [в девушках]. И внуручку на свадьбе благославляла этой иконой и отдала: “Вот тебе Варварка, чтобы она тебя оберегала”. И личные были — Михайла, Никольская. И на меня мама, я болела, сделала — Михайловская» (пос. Андраны Мстиславльского р-на).

По данным из других мест празднование святой Варвары объединяло все женское население: «Сукали свечу. На Варвару идут одни женщины» (д. Милейково Мстиславльского р-на); «на Варвару гуляли девушки и женщины, поют псалмы, мужчина не должен быть. А на Никольщину — мужчины. Три дня — Варвара, Савва, Никола — празднование в деревне» (пос. Ленино Горецкого р-на). Там, где была возможность, иконы этих двух святых на праздник носили в церковь: «У нас в Трегубове праздновали Николу, а в Горшине — Варвару. Это другая деревня, тоже православные, но другая волость. Мы были романовские (ныне пос. Ленино). У нас тоже Варвару праздновали. В церкви служба была, но носили у нас Николу, а у них — Варвару» (Горецкий р-н). Иногда сами жители, сравнивая традиции своих мест и соседей, отмечают особенности проведения празднования: «Я родом из деревни Парfenовки Дубровинского района (с севера граничит с Горецким р-ном). У нас Никола, Варвара — празднуем. Но как в Горецком — нет. У нас посидят, поговорят. А в Куртасах (три километра отсюда, уже Горецкий район) там — по-другому. Икону носили, год стоит. Я была там на Варваре в деревне Ректа (около г. Горки). Икона стоит среди хаты на столе, кругом стола ходят, спивают. Запомнила только “Святая Варвара, невеста Христова”. И мы с дедом ходили, и другие мужчины были. Собирали пожертвования: кто платок повесит, кто копейки покладет. Год стоит, тогда Варвару дожидаются и продают (приношения. — Т.Л.). Я там платок купила — 20 копеек отдала. То есть пожертвования расprodрают. А тогда еще кладут» (д. Ляховка Дубровенского р-на Витебской обл.).

Святая Варвара была очень популярна и в более южных районах Могилевщины, хотя здесь встретишь ее выделяют из числа святых

как покровительницу девушек. Жительницы д. Речица Чериковского р-на вспоминают: «Варвара — это только женщины, девушки — вообще нет. Михайла, Никола — все равно одни женщины. Мужики — нет». Возможно, указание на женский состав празднующих святую Варвару объясняется общими изменениями в гендерном характере празднования (см. ниже).

На сопредельных территориях Смоленщины, как видно из этнографических работ и архивных материалов, Николай Чудотворец также был наиболее чествуемым святым на коллективных праздниках. Встречались здесь и варианты сочетания святой Варвары и Николая Чудотворца. Но можно встретить и другое сочетание — Николая Чудотворца и очень почитаемой у русских Параскевы Пятницы⁶⁰. В целом материалы позволяют считать, что обрядовый комплекс «гулять икону» в том варианте, как он был распространен в Горецком и Дрыбинском районах Белоруссии, на соседней Смоленщине не получил распространения. Он был зафиксирован О. Лобачевской в с. Семоржа Монастырщинского р-на Смоленской обл.⁶¹ Однако нужно учитывать, что данное село до 1927 г. входило в состав Могилевской обл., т. е. могло сохранить традиции Могилевщины. Правда, возможно, отсутствие сведений о рассматриваемом обрядовом комплексе — результат более раннего исчезновения здесь традиции празднования свечей (в любых вариантах).

В каждом селении существовал определенный порядок выбора и назначения следующего хозяина общей святыни. Наиболее распространенный вариант — изъявление желания взять свечу или икону тем или иным лицом, высказанное на общем празднестве. Как и всё, что происходило со свечой или с иконой на празднике, этот момент обставлялся торжественно, в форме некоего ритуала, что обычно отмечается наблюдателями. Обратим внимание на то, что в традиции, видимо, имелись некоторые словесные формулы, в которых выражалось желание взять общую реликвию человеком, обращавшимся за разрешением к обществу.

Приведу одно из наиболее ярких описаний из Быховского у. Могилевской губ. После того, как «сукование свечи» окончено, «хозяин дома делает три поклона и, обращаясь к собравшимся, говорит: “служил я Господу Богу, Пречистой Его Матери — Деве Марии и св. великомученику Георгию (свеча в честь Георгия), честный муж,

⁶⁰ Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 36; АРГО. Р. 38. Оп. 1. Д. 23. Л. 55; ГАСО. Ф. 391.

⁶¹ Лабачэуская В. Указ. соч. С. 403.

батьков сын: не выберется ли кто свечи Божьей взять, мне руки переменить; если кто возьмет, Боже помоги, а если нет, пушай у меня останется» (эти слова повторяются до трех раз). Тот, кто намерен взять к себе «свечу» говорит: «если Бог благословит и общество доверяет, то я беру». На это предложение все отвечают: «Боже, благослови, Боже, помоги», а хозяин дома три раза целуется с тем, кто согласился иметь у себя «свечу» на предстоящий год»⁶². Обязательное обращение к братчикам присутствовало и в данном ритуале на памяти наших собеседниц. Так, по словам жительницы д. Горы Горецкого р-на, это происходило так: «когда решают, кто следующий обрекается. Сидят, примерно, три свечки горят. Я беру свечку в руку, и вы от меня берете икону и свечку в руку. И тады кажу: «Кто обрекается от мене на помошь взять Рождество?» А вы тогда говорите: «Разрешите мне, супляне*, взять на помошь себе Рождество». Я три раза спрашиваю, вы три раза отвечааете. Рождество переходит к вам».

На практике порядок перехода от одного хозяина к другому мог зависеть как от пожелания одного из братчиков, так и от установленного в данной местности порядка, прежде всего территориального деления селения на те или иные совместно празднующие группы. Существовали и интересные локальные варианты «хождения» свечей-икон, обусловленные их разным статусом. В этом отношении наиболее интересна д. Хорошевка Добрушского р-на. Здесь всегда существовало четкое различие между общей свечой-иконой, как говорят местные жители, — «родовой», и общественными оброчными: «оброчные — это оброчные, а это общественная». Особое патрональное значение общей свечи-иконы (Михайловской) по отношению ко всему селу выражалось в том, что она переходила из дома в дом не произвольно, по желанию кого-то из жителей, а четко по порядку домов: «Родовая в каждый двор ходила, а еще были оброчные — те, кто хочет, тот берет»; «это родовая икона, она в каждый дом шла, чи хороший, чи плохой. Никто не отказывался».

Правда, еще до войны этот устоявшийся порядок был нарушен: «взбунтовались — кто комсомолец, кто партиец», тем не менее свеча продолжала «двигаться» по деревне. Война нарушила традицию. Когда же «война замирилась

и повозвращались люди», обнаружилось много желающих взять свечу. В результате, по словам жителей, потребовалось вмешательство церковной комиссии, дабы восстановить надлежащий порядок. Комиссия «сказала завернуть ее в тот двор, откуда ее забрали, и пусть идет снова в очередь. Вот она и шла в очередь». Сохраняющаяся приверженность патрональной святыне выразилась в отказе жителей отдать икону (ее хотели забрать в монастырь в Корму или в Гомель). Старики ответили, что «она родовая и не должна уходить отсюда». В последние пять лет свеча стоит в одном и том же доме, так как не находятся желающие ее взять.

Сохраняется еще традиция общественных молебнов и обедов, хотя число участников сокращается. Так, по словам женщины, у которой стоит икона, в 2005 г. на праздновании было 38 жителей деревни, а пять лет назад, когда она ее брала, — 69. По мнению жителей, судя по количеству домов, которые она обошла, свече больше 100 лет. Вообще сохранение почитания общественной патрональной свечи и, особенно, свечи-иконы даже там, где уже нет коллективных празднований, характерно для многих поселений. Так, в д. Казацкие Балсуны свеча лет пять стоит в одном доме, поскольку нет желающих принять ее к себе. Но и здесь местные жители не считают возможным отдать свечу деревни на сторону. Когда одна из женщин пожелала взять свечу в другую деревню, жители не разрешили: «А сказали: «Как это? Это свеча всей деревни, как это из деревни уйти, унести свечу?»» (Ветковский р-н).

Правила передачи иконы из дома в дом, как мы видели различны. Ситуации, когда люди могли захотеть взять свечу «вне очереди», были разными. Одна из них — необходимость освящения нового дома. «Если дом новый строили, то тады общую свечу вносили. Одни тут говорят: «Мы построили новый дом, мы возьмем, надо обязательно, как побыла свеча в хате». На год берут» (д. Малатичи Кричевского р-на). По традиции свеча должна была стоять в доме ровно год — от праздника до праздника. По некоторым данным иногда в наше время свеча соучастует и в свадебных мероприятиях: «видела, что свечу носили даже с молодыми на памятник». Традиции такой нет, и в данном случае каждый

⁶² Жудро Ф. Указ. соч. С. 234.

* Трудно сказать, как точно переводится термин *супляне*. И. Сцепуржинский переводит его как «жертвователи», О. Лобачевская — как «родственники». Исходя из контекста приводимого сообщения, мы не можем считать, что речь шла о родственной группе празднующих, а не о соседской, хотя это и не исключало включение родственников в данную общность «по свече».

Освящение свечи в церкви за службой.
Город Кричев. Могилевская обл., 2007 г.

руководствуется своими соображениями относительно того, как можно обращаться со свечой. Так, одна из наших собеседниц пояснила, что при всем желании благословить вступающих в брак внуков свечой невозможно: «Я не имела права везти ее с хаты, а свадьбы были в ресторане. Я туда не понесу».

Взаимоотношения. Независимо от того, каким путем свеча или икона стала общественной религией и центром объединения того или иного коллектива, в дальнейшем поведение всех его членов определялось сложившейся традицией. Есть данные о том, что участие в общем праздновании свечи предполагало создание довольно прочных связей между семьями — участниками праздника. Так, из Юхновского у. писали: «Междуд семьями, входящими в “Знаменщину” (Михайловщину, Никольщину) обыкновенно всегда придерживается особое согласие. Они помогают друг другу в работе, поддерживают друг друга в разных слу-

чаях жизни (сообща покупают икону, она некоторое время в церкви, затем по домам, раз в год, у кого икона, у того праздник)».⁶³

Участие в празднествах накладывало определенные обязательства: «если ты ходишь гулять, а еще не брал икону, то должен взять. Это тебе в обязанность входит» (д. Горы Горецкого р-на). По-разному решался и вопрос о том, кто может участвовать в праздничных застольях в тех случаях, когда данная свеча, или свеча-икона, не являлась общедеревенской. Например, в д. Горы в застольях, устраиваемых братствами, могли принимать участие не только братчики, но и просто гости, однако в разном статусе. Порядок проведения праздника в доме, где стоит братская икона, описывают так: «Вот год у меня стоит. Я знаю, что вы от меня будете забирать. Значит, я спрашиваю обед, готовлю все — и вино, и закуску. И зову к себе гостей — своих, кого я хочу. Суспляне — сусплянами, суспляне садят-

⁶³ АРЭМ. Ф. 7. Д. 1692. Л. 14.

ся за первый стол. Это те, кто гулял эту икону. Например, 10 хозяев, и эти 10 хозяев — за стол. После я сажу гостей». Об этико-правовых нормах взаимоотношений в большом селе, где было несколько братств, жительница д. Золочева Мстиславльского р-на, говорила: «Я ни к кому со свечами другими не ходила. Ни я к ним, ни они сюда. Они — свои братчики, у них своя свеча. Общедеревенской не было».

Особый характер взаимоотношений лиц, объединенных общей свечой, их права и обязанности оказывались очевидными не только при праздновании свечи, но и в различных ситуациях, когда помочь свечи становилась особенно необходимой. Так, по словам жительницы д. Золочева, она входила в братство по Михайловской свече. 21 ноября свечу носили в церковь, и там «молимся за здоровье всех братчиков. Список подаем в церкви. Когда братчики были давала свечу туда, где покойник был, зажигали там. Только для удавленников не давали. Сейчас никому не даю (братчиков нет. — Т.Л.). И когда болел кто-то из братчиков, то тоже брали, зажигали, молились. Потом обратно. А как умрет — вечером, как лежит, все свечи палят, и эту зажигают. На свадьбу свечу не брали» (д. Золочева). «Примерно, у кого покойник и пожелаю — пускай погорит. Это чтобы взять, пусть постоит, погорит. Ведь она, [умершая] ходила всегда на свечу. А потом обратно» (д. Речица Чериковского р-на). В д. Малятичи Кричевского р-на общественную свечу могут давать в дом, где находится умерший братчик, но, по местным правилам, в таком случае она должна оставаться в этом доме 40 дней.

По-видимому, приведенные выше ситуации в каждой местности разрешались в соответствии с собственными традициями. Например, в Ветковском и Добрушском районах нам ни разу не встретились упоминания о том, что общественную реликвию берут на похороны или в случае болезни. Более того, многие исключают возможность ее временного перемещения, поскольку это нарушает традиционный порядок хранения и передачи свечи-иконы. На вопрос, может ли свечу-икону взять кто-либо из болящих, жительница д. Казацкие Балсуны ответила: «Нет, не дай Бог. Она должна [стоять] до праздника до своего. Отслужить молебен и тогда уж только [передавать]» (Ветковский р-н). Но иногда, согласно местным поверьям, срок ее пребывания в доме увеличивался. Так, в д. Яново считали, что «если икона в хате, и, например, побыл покойник в хате, кто помер, икону тую не берут в другую хату. Уже годя в той хате. Тады уже на другой гол в другую хату» (Ветковский р-н).

Почитание патрональной святыни оказывалось очевидным в тех случаях, когда борьба с религией принимала особо активные формы и нужно было иметь мужество противостоять властям. По-видимому, особо ощущимыми преследования были там, где основным почитаемым объектом являлась икона (свеча-икона). Например, жительницы д. Хорошевка Добрушского р-на вспоминали о временах борьбы с религией: «Свеча была общая — Михайла. Это давняя-предавняя. Икона эта прошла всю ту улицу от центра и завернула на тот бок. А тут разорили религию. Бабы ее украли, к людям отнесли. Ховала ее молодица, потом дознались, они к другой старушке перенесли. И она всю войну у той старушки стояла».

Традиционные взаимоотношения братчиков, признание общности владения свечой, что подразумевало и обладание общим патрональным покровителем, определяют поведение пожилых людей в тех случаях, когда братство уже фактически перестало существовать. Так, в д. Малятичи свеча считалась общей собственностью половины деревни (деревня по многолюдству была разделена на две части — две свечи), но сейчас «насукование» свечи и организацию празднования проводят лишь несколько женщин. Тем не менее, как заметила одна из них, «если кто-то из деревни захочет (соучастовать в праздновании. — Т.Л.), пусть приходит. У всех равные права» (Кричевский р-н). Признанием общности свечи руководствовалась и женщина из д. Золочева, у которой находилась общественная свеча. Несколько лет назад, когда из всех братчиков остались лишь двое, она сочла нужным разделить свечу на три части: одну — себе, другую — жительнице соседней деревни, входившей в число братчиков, и третью — в церковь, «на Бога» (Мстиславльский р-н). Своей свече женщина придала положенный вид, нарядила в новое платье и ежегодно по прежнему носит в церковь на Михайлов день, но записки подает только за своих близких. Грустно звучит ее комментарий по поводу нынешнего проведения праздника: «Соберутся — полная хата, по 50-70 человек гуляют. А теперь я одна. Принесу из церкви, помолюсь Богу как умею — и всё». Для пенсионеров имеет значение и то обстоятельство, что оплата церковной службы прежде шла за общий счет братчиков, сейчас же она платит одна, а потому позаботиться и вписать в поминание и здравие всех братчиков уже не может.

Личные свечи. Спецификой Могилевщины можно считать многочисленность личных оброчных свечей. Возможно, эта традиция существовала и в прошлом, но имела очень малое распространение. Нам встретилось лишь одно упо-

минание в фонде А. Орловского из с. Селецкое Краснинского у. Смоленской губ. о том, что здесь «на зимнего Николу — обычай “сукать свечу”. Обыкновенно для этого соединяются три-четыре дома вместе и каждый год свечу переносят из дома в дом. Более зажиточные крестьяне спрятывают свечу одним домом, но таких в приходе три-четыре дома»⁶⁴.

Полевой материал позволяет сказать, что данная традиция получила особое развитие в послереволюционное и особенно в военное и послевоенное время. Личные свечи делались отдельными лицами по обету и впоследствии не уходили из дома и не становились центрами создания нового братства. Однако и в данном случае признание действенности обета было обусловлено обязательным включением в него общественного элемента. Это сказывалось в обязательном ежегодном праздновании дня того святого (или праздника), кому была посвящена свеча.

Такие свечи — редкость и сейчас в домах сельских и даже городских жителей. Тем более можно услышать о них массу воспоминаний с подробностями, по какому поводу были сделаны свечи и каковы результаты. Личные свечи, как и общие, личные — это всегда молитва о здравии своем и близких, о благополучии в доме и хозяйстве. Так же, как и общие свечи, личные ежегодно наращивались, для чего обычно приглашали кого-либо из посторонних. Жительница д. Саприновичи Мстиславского р-на дала следующее пояснение: «У нас свечу делали, спрятывали. Икону не носили. Например, у меня ребенок болеет, и я обрекась. Я обещала перед Варварой, что я обрекуся, если дитенок выздоровеет, значит я буду Варвару праздновать. Сколько буду жить, тогда, может, дети мои будут. Делается так, и каждый год на Варвару все наклеивается и наклеивается воск. Вот я обрекаюсь и каждый год отправляю: в церковь несу и отправляю. Также на Николу — Никольская свеча, на Михайлу — Михайловская. Воск свой. Обрекались и за скотину, и за детей. Как придешь из церкви стол собираешь и гостей зовешь. У кого Михайла был, у Рыбаковых — Никола. У них заболел дитенок, сын у них был. И они обреклись, матка у них дюже больная была — свечку делать. Сейчас нет. (*Батюшки никогда не ругали, что не по уставу?*) — Нет. Это служба, як за здравие».

Аналогичным образом обрисовала ситуацию с личной свечой и жительница г. Мстиславля:

«Я давала оброк для Бога. Свечу сучу и ношу в церковь. Потом приношу и делаю обряд дома. Стол ставлю, людей созываю. Чтоб люди покушали, попили. Это уже вторая свеча. Первую 22 кг сдала в церковь. Делаем уже лет 30. Обреклась, когда дочке было 7 лет».

Как мы видим, эти свечи также обязательно старались привезти в праздничный день на службу в церковь. Празднование их включало молитвенную часть. Торжественность происходящего иногда навсегда оставалась в памяти очевидцев. Вот как рассказывает пожилая женщина обувденном ею еще в детстве праздновании свечи в г. Черикове: «У нас одна женщина обреклась на детей, на себя, и была эта свеча в одном доме. Примерно Пречистая. И шли, кого приглашала. Это в самом Черикове. Я еще ребенком была, лет 7-8, мама ходила, и мы, дети, смотрели. Очень много было народа, и подолгу стояли, молились. Потом пели эти песни церковные. У них не было такого, что на второй день петь, плясать. Она свечу возила в Кричев, у нас не было церкви. Кажется, и мужчины были. У них семья большая была, родственники из деревень приезжали. И людей приглашала наращивать. Но все в псалмах, в пении, все церковное» (д. Малятичи).

В выборе святых, которым посвящались свечи, сказывались региональные предпочтения. Например, жительница д. Курманово Мстиславльского р-на, где наиболее часто праздновали святую Варвару и Николая Чудотворца, так охарактеризовала «набор» свечей в их семье: «У нас — Сретенская, у сестры — Микольская, еще у дочери — Варвара. (*Почему?*) Ну, на девочек молилась, каб всё хорошо было. Она сама. (*Болели?*) Да, дробненькие были. Тут у нас три Варвары сейчас».

На смоленском пограничье нам встретились лишь воспоминания о личных свечах, причем на территориях, принадлежавших до 1927 г. Могилевской обл. Белоруссии. Подобная свеча была, к примеру, в доме жительницы пос. Шумячи: «Большую свечу наращивали — Никольскую или Ильинскую. Не носили по домам. Стояла она в кисячке — на угле, где иконы. Ее не наряжали. В церковь ее на Николу носили. И она все нарастала. Это у отца» (Материалы И.А. Морозова, 2005 г.).

Личные оброчные свечи берегли как семейных покровителей. Даже при отъезде из Чернобыльской зоны некоторые перевозили их на новое место жительства. Так, по словам переселенки из

⁶⁴ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. За. Л. 131 об.

Чериковского р-на, в Червинском р-не, где они временно проживали, «свечей не видела, была только у моей подруги, они тоже переехали, как оброчная — Варвара-свеча. Мы к ней ходили».

Многие личные свечи, как семейные реликвии, хранятся в домах и сейчас, имея статус патронального покровителя семьи. История таких свечей — это живая история семьи. Из поколения в поколение они были воплощенной молитвой за домочадцев, с ними связывались надежды на избавление от бед и надежды на лучшее. Например, по словам Т.И. Фельдшеровой из г. Кричева Могилевской обл., фамильную свечу хранит и празднует уже третье поколение женщин из их семьи, с ней не расставались и во время длительных и тяжелых переездов по стране. Начала делать свечу бабушка Фельдшеровой, жительница д. Хотиловичи того же района, возможно, еще до войны, но активно праздновать ее стала с наступлением войны. Эту свечу бабушка брала с собой в эвакуацию в Челябинскую обл., затем в Москву, где жила длительное время у дочерей, и, наконец, «когда вернулась домой умирать», привезла ее с собой на родину и передала дочери. От последней свеча перешла к нашей собеседнице, и вместе с ней в итоге переехала в Кричев. Свеча посвящена Николаю Чудотворцу. Каждый год, 19 декабря, Т.И. Фельдшерова делает «отправу»: «насекает» с помощью близких родственниц свечу, несет ее в церковь, заказывает акафист, подает записку о здравии всех членов семьи. Вечером приходят родные и близкие, свечу зажигают, молятся и ужинают. Священная реликвия воспринимается как защитница прежде всего мужской части семьи. Из пояснений моей собеседницы ясно, что статус мужской защитницы свечи получила в силу восприятия таковым самого празднуемого святого. «Свеча фамильная — Никола. Бабушка начала, как война началась. Она переживала, что у нас много ушло на фронт. Но, кстати, все вернулись. Она обреклась — оброк, что Николай Угодник и защитник мужчин, и буду молиться, отправлять. У нас и сейчас много мужчин в роду. (Николай Чудотворец — покровитель мужчин?) Да, только мужчин».

Патрональные семейные свечи воспринимаются как покровители всех домочадцев, поэтому за их благословением обращаются члены семьи в различных обстоятельствах, когда особенно требуется помощь свыше. Т.И. Фельдшерова

так описывает ситуацию перед поступлением ее внука в Академию МЧС: «Я ему говорю: “Деточка, ты ходи хоть постой коло ее”. А он: “Бабушка, я руками подержусь”. И поступил, и учится хорошо» (г. Кричев). Благословение свечи женщина испрашивала и для крошечной внучки: «Вот как родилась внучка, я ее в годик привезла и подержала около свечки, свечу запаливала. Просила, чтобы ум и разум были хорошие. Вот она и учится хорошо».

В отличие от празднования общей свечи празднование личной не подразумевало каких-либо установлений в отношении круга участни-

Тамара Ивановна Фельдшерова. Город Кричев Могилевской обл., 2007 г.

ков. Как обычно говорят, «звали кого хотели». По другим данным, в дом, где праздновалась личная свеча, мог прийти любой желающий из местных жителей. Например, в д. Большие Немки Ветковского р-на общественной свечой был Покров. Одна из женщин сделала личную свечу-икону — Казанскую. И на осеннюю Казанскую (4 ноября) устраивала обед и вечер по принципу: «кто придет: не приглашала никого и не выгоняла никого».

Личная свеча находилась в доме постоянно. Временная передача ее была возможна лишь в том случае, если кто-то просил дать ему свечу (или свечу-икону) в дом в связи с чрезвычайной ситуацией (болезни, уход детей в армию). При этом новая хозяйка устраивала празднование за свой счет. Встречались варианты, когда молодые члены семьи обрекались на уже имеющуюся в семье или у кого-то из близких родственников свечу. Это означало, что оброчница забирала свечу к себе и устраивала за собственный счет

праздники. Впоследствии свеча могла вернуться к прежней владелице. О такой ситуации сообщила жительница д. Курманова — хозяйка свечи Никола: «Племяннице отдала своего Николая. Ее сынок был в армии, обреклись, чтобы Господь сохранил. Он пришел. И дочка его уже институт кончила. Потом вернула». В советское время, особенно послевоенное, далеко не всегда можно было найти икону того святого, которому желали дать обет. В таких случаях икону брали на время и устраивали положенное празднество. По этому поводу приведу детские воспоминания жительницы Могилевского р-на, из которых видно, насколько сильны были и в советское время традиции религиозного поведения в том числе почитания икон и прежде всего выбранных, хоть на время, в патрональные: «У мамы сын был Жорик — Егор, так она обреклась на икону Юрья. И вот у нас не было этой иконы. А была деревня Ганович, это рядом, и договорилась мама: у хозяйки, что у нее была эта икона. А Юрья, он же весной бывает, 6 апреля, так дома они готовили стол и ладный стол. Приходили эти бабы, которые молиться умеют, кто поют святые песни. И шли, это километра два шли они и забирали ту икону. Там тоже, наверное, стол готовили. Там обедали, молились и снимали ту икону с рушниками. Она большая, ладная была. И я помню, что на коне этот Юрья был, бьет в горло этому Смоку поганому. И несли ее, приносили в нашу хату, вешали на кут и садились за стол, чествовали уже мама и папка, и соседи, а это ж свято (праздник. — Т.Л.) было, не работали и молились. И эта икона оставалась год до Юрья. Тогда на следующего Юрья они забрали от нас, мама, наверное, только на год обреклась. Вот это я добро помню. И они забрали эту икону, и опять же стол делали и все так же».

Праздник определенного святого, выбранного для личного обета, мог быть праздником всей деревни. Это происходило в тех случаях, когда в данной местности уже существовала традиция приходских и деревенских праздников, но не было возможности организовать свой церковный приход. Так, патрональным праздником для жителей нового поселка в Добрушском р-не стал по их пожеланию день Рождества Богородицы, что связано с личной свечой-иконой, сделанной по случаю болезни дочери в 1927 г. бабушкой нашей собеседницы Е.И. из пос. Корма. По ее воспоминаниям, «в 1920-е годы их расселяли, и принято было, чтобы у каждой деревни свой приход. В Корме — Покров, в Хорошеве — Никола, вроде». Семью Е.И. выселили в поселок в 1923 или 1924 г. «Там было дворов 40 и хотели тоже свой приход. И вот бабушка сделала ее свечу и Вторая

Пречистая и стала приходом. Праздновали все. К ним (бабушке. — Т.Л.) больше богомольные приходили (бабушка и по умершим читала. — Т.Л.). А так — каждый в своем доме (т. е. праздновали по типу престольных праздников. — Т.Л.). Бабушка делала обед. И сейчас ношу икону в церковь 21 сентября, и помолюсь, и обед» (Добрушский р-н).

Иногда в конкретных историях личных свечей мы видим, что традиция празднования свечи, точнее, само его начало, дополнялось широко известным в восточнославянской традиции вариантом усиления обета. Мы имеем в виду изготовление обыденных, т. е. сделанных в один день, предметов, что должно было, по общему мнению, придать особую силу испрашиванию милости и помощи у Бога. И в середине XX в. в критических ситуациях люди следовали устоявшейся традиции, надеясь на ее безусловную действенность. Приведу одну из реальных историй в д. Неглюбка Ветковского р-на в пересказе местных жительниц. Причем, излагая события, наши собеседницы делали акцент именно на факте незамедлительного разрешения трагической ситуации как следствия обращения к особой форме обета. Во время войны семья одной из женщин оказалась в Карелии. После освобождения Белоруссии они отправились домой, но в пути на станции, в вокзальной сумятице тех лет, женщина потеряла сына. По прошествии некоторого времени ей сообщили, что сын находится в госпитале в Светловичах (деревня в том же Ветковском р-не). Женщина не признала в юноше на костылях своего сына. Его реакция на непризнание в интерпретации пожилых рассказчиц имеет оттенок горестных народных плачей о всех погибших и покалеченных в той страшной войне: «Он говорит: “Як я скажу, что это моя мамаша, что она меня не признала”. И плакал он светлыми слезами — тот, что на костылях». Данный факт был воспринят окружающими как нежелание женщины брать на себя груз заботы о сыне-инвалиде: «Ну, все на ее: “Вот, каб был хороший...”».

Вот тогда, героиня этой истории решила, по-видимому, поступить в соответствии с религиозной традицией своих мест. Ее обращение к обету в данном случае выглядит как обращение к Божьему суду — последней инстанции, способной не только оказать ей помощь, но и оправдать в глазах окружающих. «Она взяла и оброчный обед сделала. Пошла заказала, шоб сёдня мне икона готовая, Рожество. (Чтобы за один день сделали икону?) Да. Рушничек пошить ей. Принесла она всё, рушничек повесила, икону поставила. Обед собрала. Пошла: “Люди, ходите на обед, у меня оброчный обед”. Пошли. Пообедали. Прошло

время от Рождества до поста». А в пост нашелся потерянный сын. Пришло письмо из Ленинграда от молодого человека, который сохранил отрывочные детские воспоминания: он сидит на печи, а мать говорит: «это печь карельская, а наша печь в Неглюбце». И именно это воспоминание позволило ему довольно сложными путями найти свою семью. В комментариях рассказчицы пояснили, что «оброчный обед она сделала под Рождество. В один день ей сделали икону — гроши заплатила. Полотенце, може, было, а она, за день, може, вышила». Можно добавить, что изготовление обыденных полотенец некоторые ученые считают характерной особенностью именно для белорусской обетной практики⁶⁵.

Характерная для данного региона особенность обетной практики — соучастие коллектива, прежде всего устройство угощения для общества, сохранялась и в тех случаях, когда речь не шла об изготовлении и праздновании оброчной свечи (свечи-иконы). Коллективные обеды по оброму — самостоятельная распространенная форма исполнения обетов, во всяком случае, на память пожилых людей и поныне. Обычно такой обет условно можно разделить на две части: церковную и домашнюю. «Оброчные обеды — это идите в церковь, ставьте на свечку и обрекаются. На, болеешь или чего... так помолятся Богу и обед делают. И потом еще делают. Например, человек пьет. Вот ставь свечу и обрекися, что ты не будешь этого делать. Это все помогает. Свечу в церкви перед иконой, которая поможет тебе — Николаю Угоднику, Матери Божьей. И помолиться» (д. Яново Ветковского р-на).

О коллективных обетных угощениях помнят и жители смоленского приграничья. Так, жительница с. Плауны рассказывала о таком обеде, который устраивал ее отец на день Николая Чудотворца. Возможно, возникновение данного обета было связано с оказанной когда-то отцу женщины помощью со стороны односельчан. «(На Николая чудотворца?) — Ничего не делали (т. е. не было совместного праздника. — Т.Л.). Отец мой, хоть и слабый был, Никольщинуправлял. Скажет матери: “Исаевна, будем Николу спрашивать, зимнего. Раз отец мой гулял, значит и я буду гулять. Надо же оплатить за труд, люди помогали нам”. (Как гуляли?) — Сперва хлеб пекли, такой хороший. Даже с калиной, крупно помолотой. Пшеничный. Вечером собираются гости, кого позовешь. Поставят икону — Николу — так, чтобы к хлебу прихиналася. Зерно не ставили. Это куда-то в

красный угол, на мост (пол. — Т.Л.). Икона — это наша. У нас много икон было. Отец собирал как помочи, как благодарность. Это отец делал прямо перед колхозами» (Краснинский р-н).

Рассмотрение разных типов объединений «по свече» показывает, что на практике часто в одном и том же селении существовало несколько общих свечей и разных типов объединений. Причем жители могли одновременно входить в различные по типу сообщества. Так, в д. Речица Чериковского р-на в одно и то же время были общие свечи — Казанская и Михайловская, личные оброчные — Варваринская и др. И, наконец, что особенно интересно, имелась общая колхозная свеча, объединяющая несколько деревень, — Духовская. По-видимому, традиция иметь в центре определенного сообщества свечу — покровителя и объединяющего начала, была столь сильна, что логичным продолжением ее казалось перенесение традиции на новый вид сообщества. Эта свеча не была оброчной, ее сделали по желанию. Сохранялась и церковная часть празднования: «свечу эту снесут в церковь, кого попросят, не специальные, отправят, а после всех садят. Хай все работали, хай сенокос, нехай там всё... Подводы едут. Людей везут. И танцы, гули — ночь целую. (Председатель колхоза не возражал?) — Нет, объявляют даже: до обеда рабочий день, а после обеда — все к столу».

Таким образом, мы можем выделить несколько типов «свечей»: общедеревенские или круга лиц с четко оговоренным составом братчиков; оброчно-личные, которые приобретали статус общественных; оброчные личные, которые оставались в доме хозяев, но празднование их носило обязательный общественный характер. В любом варианте празднование включало молебны дома и принесение свечи в церковь (по возможности), где проходила положенная служба и произносились «за здравие» имена всех братчиков.

При рассмотрении особенностей трансформации праздника в глаза бросается изменение поло-возрастного состава его организаторов и участников. И эти изменения соответствуют и иным акцентам в смысловом восприятии праздника самими исполнителями. Так, в описаниях XIX в. основные устроители и участники, хранители общинных традиций — мужчины, причем как правило, хозяева домов. Для них свеча — это не просто религиозный праздник, но общинное мероприятие, на котором происходят общение, обмен мнениями по самым разным проблемам

⁶⁵ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 99.

деревенской жизни⁶⁶. В послевоенное время постепенно инициативу берут в свои руки женщины, что в значительной степени объяснялось малочисленностью мужчин. В дальнейшие годы женский характер религиозности, т. е. сохранение и поддержание религиозных устоев преимущественно женщинами, стал особенностюи и России, и Белоруссии. Аналогичная ситуация характерна и для наших дней. По словам жительниц Белоруссии, «это на западе (имеется в виду запад Белоруссии. — Т.Л.) мужчины в церковь ходят, а у нас...». Добавляя при этом, что в городах наблюдается больше мужчин в церквях. Сказывается известный факт — религиозность усиливается по мере приближения к старости, а средний возраст мужчин не доходит до 60 лет. В то же время женщины испытывают больше страхов за родных, острее чувствуют потребность в их православной защите. Это чувство основано на характерной для народных представлений уверенности в том, что именно материнским молитвам дана от Бога сила охранять своих детей, и пренебрегать этим даром ни одна женщина не имеет права. При множественности и распространенности личных обетов «на свечу» нам не встретился даже в воспоминаниях местных жителей ни один случай, когда бы обет был дан мужчиной. Анализ семантики и символики свечи в представлениях местных жителей будет приведен ниже, здесь же можно сказать, что для наших собеседниц самое главное в праздновании свечи — возможность обращения к Богу. Причем когда речь идет о личных свечах, коллективная трапеза, на которой звучат благопожелания присутствующих, становится органичной частью общего религиозного действия.

Изготовление и наращивание свечи (и общей, и личной) являются сейчас делом исключительно женским. Состав участников дальнейшего празднества зависел и зависит от местной традиции. Наиболее распространенным можно считать коллективное гулянье на второй день, в котором принимают участие жители обоего пола разного возраста. «У нас в Ботвиновке все гуляли на второй день. Вся деревня, и молодежь» (Кричевский р-н). В других местах мужчины не принимают активного участия или совсем не присутствуют на празднестве. Такой порядок сложился в д. Малятичи. Как говорят «мужчины у нас не ходят. И раньше не ходили». Даже пояснение священника относительно того, что «на

второй день можно и мужчинам», не изменили сложившейся традиции. «Мужики могут прийти на второй день в тот дом, куда перенесли, но не приходят». По словам одной из местных женщин, неоднократно принимавшей свечу у себя, «у меня и хозяин был, и сыны — ну, в коридоре им сделаешь стол, отдельно».

Причины обетов. Мы уже говорили о том, что, источники, относящиеся к дореволюционному периоду, мало что сообщают нам о причинах начала празднования той или иной свечи. Для авторов сообщений и этнографических статей важнее фиксация местной своеобразной традиции и описание ее вариантов. Наши материалы позволяют расширить характеристику общественных празднований. Можно сделать общий вывод, что общественные свечи начинались и продолжались в дальнейшем либо в память какого-либо события, либо по данному обществом обету. В любом случае, раз начавшись, они воспринимались впоследствии как обязательное для ежегодного исполнения действие. Это позволяет рассматривать их в целом как более или менее явно выраженную форму обетной практики⁶⁷; так же рассматривает их и само местное население. Рассказы об исторических событиях или природных явлениях, бывших причиной изготовления общественной свечи, нередко передавались из поколения в поколение, что не давало традиции угаснуть даже в тех случаях, когда старая свеча становилась слишком большой и ее относили в церковь.

Одна из наиболее распространенных причин данного обета — стихийные бедствия. Так, по словам жительницы д. Речица Чериковского р-на Могилевской обл., у них была общая свеча — Казанская Божья Мать. «Казанская оброчная была, потому что один год, это еще покойница баба наша рассказывала, как-то раз на Казанскую такая была буря, такие погромы, пожары большие. И вот люди обреклись. И спрашивали,правляли. Испокон веков она переходила, и все время».

Тем не менее истоки начала празднования общественной свечи далеко не всегда сохраняются в памяти людей. Хорошо, если кто-то из старшего поколения способен дать какие-либо сведения по истории села. Наши современники, даже пожилые люди, часто и не стремятся узнать, какие события побудили их предков дать обет на свечу. И объясняется это не только их

⁶⁶ Громыко М.М. Указ. соч. С. 142, 145.

⁶⁷ Подробнее о типологии обетов см.: Кремлева И.А. Мирской обет // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001.

нелюбознательностью. Для них гораздо важнее сам факт давнего обещания и его последствия. Размышления на этот счет таковы: когда-то жители села почувствовали особую необходимость усилить свои молитвы к Богу и сделали это в соответствии с устоявшейся традицией; задача же потомков — продолжать чтить патрональную святыню, с покровительством которой связано благополучие коллектива в целом и каждого в отдельности.

Начало свечи могло не быть связано с конкретными событиями. Имелась традиция организации надежной, проверенной предшествующими поколениями формы обращения к Богу, распространенной прежде всего там, где не было церквей. И в качестве превентивной меры крестьяне объединялись и брали на себя обещания праздновать свечу определенному святому. Поводов для возникновения таких желаний в далеко не безоблачной деревенской жизни было более чем достаточно.

Подчас в истории празднования конкретных свечей отражается специфика религиозных настроений в те или иные моменты советской истории. Особенно это касается военного времени, когда обстоятельства вызывали оживление религиозных чувств, заставляли людей вновь вспомнить о существующей помимо них всемогущей силе, за помощью к которой они имеют возможность обратиться. Приведу в связи с этим историю свечи из д. Малатичи. До войны здесь существовало много свечей, «по 5-10 дворов собираются, небольшие были свечи». Во время войны деревня была почти полностью сожжена врагом, погибло все имущество, в том числе и свечи. В Малатичах жил бывший дьякон, продолжавший по возможности окормлять население. Он тайно крестил детей на дому и провожал умерших. Когда фашисты подожгли деревню и местные жители бежали, он «не пошел отступать. Он взял икону, обошел свою хату и кругом еще две хаты. И они не сгорели. Немец подошел, запалил ту хату, которую он обошел. А только отошел и потухло все. А икона была какая-то от пожара, которой на Сретенье молятся в церкви. И после этого стали делать общую свечу, так как стали Богу верить». В обстановке разрухи, при отсутствии церквей свеча была для людей тем священным объектом, который давал им возможность обращения к Богу. Как пояснил старейший житель деревни, «все же сгорело, и, чтобы помолиться, сделали свечу».

О причинах появления личных свечей уже говорилось. Общее заключение по поводу данных обетов хорошо сформулировала пожилая женщина из г. Ветка: «Всякое было горе людям, и они обрекались: «Господи, помоги мне». По отзывам, особенно много личных свечей появилось во время Великой Отечественной войны: «Женщины обрекались на детей, на мужчин. За здоровье, за благополучие. Каб с войны [вернулся]. В Войну именно на мужчин было больше всего обречение» (д. Малатичи Кричевского р-на); «особенно свечи делали во время войны. Мужчины ушли на войну, вот чтобы они вернулись» (д. Казацкие Балсуны Ветковского р-на).

Наши собеседницы вспоминают о самых разных ситуациях, заставлявших людей давать обеты: «У одних свеча была Казанская. Это икона, оброчная. Хозяина забрали в тюрьму, и жена обреклась. Это после революции» (д. Большие Немки Ветковского р-на); «у племянницы сынок был в армии, обреклась, чтоб Господь его сохранил» (д. Курманово Мстиславльского р-на).

Иногда начало празднования свечи и выбор посвящения носили почти мистический характер. Так, в семье сестер Потаповых из д. Курманово находится свеча Сретенье. Она сделана в память умершего отца по следующей причине: «Сретенье здесь большой праздник престольный. И вот как-то приснилось, Бог сказал ему [отцу]: «Ты умрешь на Сретенье», а не сказал, в каком году. Он и гроб заказал. Прошло три года, он его все сохранял, и на Сретенье умер. Так вроде как отцовское желание».

Однако началом и продолжением празднования роль свечи (свечи-иконы) как объекта обетных действий не ограничивалась. Материалы позволяют говорить о существовании разнообразной обетной практики, связанной с центральным ритуальным атрибутом. Уже само обещание взять свечу на ежегодное хранение и празднование рассматривалось как обет, т. е. как форма религиозного обязательства перед Богом и людьми. Это прямо или косвенно звучит в информационных о празднике. Так, в описании обычая в с. Новые Бобовичи прямо указывается, что «хозяин несет икону (свеча-икона. — Т.Л.) в дом принимающего ее по обету на годовое хранение святыни»⁶⁸. Поведение присутствующих при свече также могло определяться взятыми обетами. В упомянутом с. Новые Бобовичи, по словам наблюдателя, вечером первого дня все расходились по домам, «но пришедшие по обету

⁶⁸ Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 244.

остаются на всю ночь перед образом, перед которым не угасает свеча»⁶⁹.

Обычной формой частных обетов, связанных с патрональной святыней, было пожертвование к ней каких-либо предметов, чаще идущих на ее украшение. Приведем один из примеров. Жительница д. Казацкие Балсуны вспоминает: «Мама моя — они копали огород и порезала ножом палец. Рана не заживала, начала уже гноить. И был престольный праздник, эта свеча на Троицу. И она говорит: если заживет рука, обреклась просто, я пойду на свечу, сошью убор — фартучек, юбочку. И что? Оттого или не оттого рука стала заживать и затянулась. А она сшила и пошла в Малиновку. Свеча там стояла у людей» (Ветковский р-н).

При рассмотрении разных форм обетов и отношения к ним всегда небезынтересно узнать, что же все-таки местные жители подразумевают под понятием «обет». В некоторых комментариях можно услышать характеристики собственных ощущений собеседников по этому поводу. «Просто в душе чувствуешь Бога и хочешь покориться Богу. Обрекаешься — и всё. Идешь в церковь, молишься Богу за здоровье, за своих детей, внуков. Просто в душе просишь. Я всю службу стою и в душе прошу. (*Со свечой сильнее молитва?*) — Конечно. Как-то чувствуешь, что свеча — это свеча» (д. Малятичи Кричевского р-на).

Отношение к обетам. Исполнение взятого на себя обета, независимо от того, в какой форме он был выражен, считалось обязательным, нарушение его пожилые люди приравнивают ко греху.

Можно привести комментарии жительницы д. Яново относительно обязательности обетов и объяснений по поводу того, что просимое не было получено. Речь шла о личных обетах с поставлением свечек в церкви и устройством коллективного обеда: «А если ты нарушишь это — значит, ты нечеловечная, значит, ты неверующая. Чего ты свечу ставила?! Тебя еще может и наказать! (*А если просимое не получилось?*) — Это надо очень сильно веровать и понять, почему Господь Бог тебе не помог. Может, ты чего-то виноватый, значит, ты сделал грех, недостоин» (Ветковский р-н).

Данный раз оброк оставался в силе и в том случае, если обращенная к Богу просьба не получила желаемого результата. Обычно это правило местные жители подтверждают конкретными примерами из жизни своей деревни. По поводу оброчной свечи Варвара из д. Речица

местная жительница рассказала следующую историю: «Баба за мальчика обреклась. Шесть годов мальчик, помер. Две девочки и хлопчик один. А все равно помер. И стала ставить все равно, каждый год собирались» (Чериковский р-н). Аналогичным образом судят о необходимости соблюдения обетов многие наши собеседницы: «Очень много обрекались, особенно Варваре по болезни детей. Делали свечи и праздник. (*А если ребенок продолжал болеть?*) — Все равно каждый год. Если она уже обреклась, сделала, то уже каждый год. (*Если ребенок умер?*) — Все равно будет делать, пока уж руки не сложит» (д. Сапрыновичи Мстиславльского р-на).

Неисполнение обета, особенно по отношению к коллективной святыне рассматривалось как греховное действие, а потому могло повлечь соответствующее наказание. Так, традиционные нормы поведения исключали возможность отказаться от обета взять коллективную реликвию. Однако в последние десятилетия ХХ в. случались и нарушения обетов, а следовавшие за этим несчастья могли восприниматься как наказание свыше: «Обреклась наша Нюра и не взяла. И тады горе поимела. Сына с армии привезли (убили), а другой погиб. Может и не за это, но вот так было».

Как общественные, так и личные обеты не имели какого-либо временного ограничения. В случае необходимости продолжение раз данного обета должно было перейти к следующему поколению: «Вот моя подруга, у нее Варвара. Она обреклась на дочку свою. Дочка уже замужем. Она помер — матка, так дочка тогда должна продолжать» (переселенцы из д. Речица Чериковского р-на в пос. Андраны).

Выходы. Религиозно-общественные праздники, получившие в научной литературе название «братские праздники», или «братчины», в том числе и праздник «свечи», неизменно вызывали интерес у исследователей. Кто-то стремился выяснить генезис происхождения братских объединений и братских праздников, другие обращали больше внимание на характер функционирования их в определенный исторический период. Совершенно закономерно то, что при рассмотрении традиций данного региона ученых интересовал прежде всего вопрос о соотношении указанных общественных праздников и церковных братств западных регионов Белоруссии и Украины.

С. Соловьев пришел к выводу о том, что анализируемые общественные явления «в начале

⁶⁹ Там же.

были одно и то же учреждение»⁷⁰. Однако сравнение церковных братств — организации мирян, осуществлявшей патронат над приходской церковью и заботившейся о религиозном воспитании в приходе, — и деревенских сообществ, объединенных общей реликвией, не позволяет согласиться с таким выводом. Ф. Жудро, исследовавший большой конкретный материал о празднованиях свечи на территории Могилевщины, считал первоначальной формой братских объединений, «из которых выросли медовые и церковные братства прежнего времени»⁷¹. Немалый интерес представляет и исследование А. Ефименко, ищащего генетические параллели братчин в родовых объединениях южных славян⁷². Ни в дореволюционных источниках, ни в материалах полевых исследований каких-либо данных о родовом принципе организации братств нам не встретилось. Тем не менее можно отметить, что, по данным О. Лобачевской, переносные иконы (Горецкий и Дрыбинский районы Могилевской обл.) объединяли группы кровных родственников⁷³.

Несколько иной аспект данной темы интересовал М.М. Громыко. Приводя данные разных источников, она рассматривает празднование свечи в контексте известных на Руси братских объединений, выделяет общие характеристики, а также многообразие форм функционирования братских объединений «по свече». Для нас представляется очень важным ее вывод о том, что особенности братских празднеств всегда соотносились со спецификой общественной жизни. Собранные и представленные в настоящей статье материалы подтверждают этот вывод и показывают, как на протяжении более чем 100 лет с изменениями в общественном устройстве общества, прежде всего разложении общины, менялись и формы братских объединений, и братские празднества.

С точки зрения территориального распространения праздника подошел к вопросу Д.К. Зеленин. Основываясь на фактических материалах, он, в отличие от большинства авторов, не склонен считать данный вид праздников характерным в основном для белорусов. Об этом свидетельствует его наличие у русских Пензенской

и Вятской губерний, а также у мордвы-мокши. По мнению исследователя, речь идет не о заимствованиях, а о более широком распространении обычая в прошлом.⁷⁴

В определениях праздника «свечи» в дореволюционных источниках часто делается упор прежде всего на то, что это общественная трапеза («пирушка») по поводу празднования патронального святого или праздника. На основе наших материалов в качестве доминанты данного общественного явления мы бы прежде всего выделили его религиозную значимость для всех участников. Скорее всего, специфика праздника — общее владение патрональной святыней и последовательное нахождение ее в доме каждого из членов братства — обусловлена отсутствием церквей или даже часовен, которые могли бы стать центром религиозной жизни. Безусловно, каждый мог помолиться и сам, но общинное сознание, распространяясь и на область религиозных представлений, подсказывало, что совместная молитва имеет большую силу, более весома. Можно согласиться с теми дореволюционными авторами, которые подчеркивали значение праздника для религиозного единения жителей. Так, исследователь свечи на Смоленщине М. Лисицын писал: «Устройство общественных религиозных предметов не только носит характер глубокой древности, но имеет, кроме того, чрезвычайное значение, ибо оно соединяет христиан известного места в единый религиозный союз»⁷⁵. О том, что лица, празднующие одну свечу, «связаны союзом братства по покровительством выбранного патрона» отмечал и белорусский автор Ф. Жудро⁷⁶.

Осознание особой сакральности коллективного обращения к Богу и сейчас присутствует в сознании многих пожилых людей. «Свечу для чего собирали — чтобы освятить дома, чтобы помолились. Чтобы больше людей собрались и помолились Богу» (д. Малятичи). Дом, принявший свечу (свечу-икону), в глазах местных жителей становился, по справедливому замечанию белорусской исследовательницы Л. Романовой, «своеобразной церковью»⁷⁷, поскольку был освящен присутствием особой Божьей благодати. И в заслугу человека, принимающего общую свечу и устраивающе-

⁷⁰ Соловьев С. Братчины // Русская беседа. № IV. 1856. С. 117.

⁷¹ Жудро Ф. Указ. соч. С. 236.

⁷² Ефименко А. Южно-русские братства // Слово. СПб., 1880. Год 3-й.

⁷³ Лабачэуская В. Указ. соч. С. 404.

⁷⁴ Зеленин Д.К. Указ. соч. С. 385–386.

⁷⁵ Лисицын М. Указ. соч. С. 272.

⁷⁶ Жудро Ф. Указ. соч. С. 233.

⁷⁷ Раманава Л. Указ. соч. С. 104.

го празднование по случаю празднования личной покровительницы, наши собеседницы ставят то обстоятельство, что он не просто устроил обед, но дал возможность другим людям обратиться к Богу посредством патрональной святыни. И сделать это в сакрализованной обстановке, дающей ощущение той общности, соборности, которое возникает у верующих на общественных церковных богослужениях.

С этим связана и традиция более благочестивого поведения хозяев дома, запрет на шумное веселье в доме и особенно на ругань. Об этом писали дореволюционные авторы: «Дом, в котором на год оставляется святая икона, обыкновенно отказывает себе во всех шумных веселостях и ведет себя благоговейно во весь год»⁷⁸. Кое-где эти предписания сохраняются и сейчас. В д. Неглюбка говорят: «Если икона стоит, уже свадьбы не будет, не состоится. На год откладывают, пока другие заберут. Кто собирался свадьбу (играть) и не брали. (Почему?) — Чтобы не пели, горелку не пили. А если уже необходимо, то свадьбу в другом дворе делают, у соседей. Когда свеча — чтобы водки никто не пил в этом доме, чтобы не матюкались, не ругались, не ссорились. “Тише, свеча стоит”. Это закон был, строгий закон в семье». (Ветковский р-н). Особый, святой статус дома, где находилась общая свеча-икона в деревне, был связан еще и с тем, что после закрытия церкви в нем лежала плащаница, там же святали пасху, была и служба. О том, что дом, где была свеча-икона, становился религиозным центром данного селения, говорит и жительница д. Хорошевка, у которой уже два года стоит общественная икона Михаило: «Ко мне как принесли ее, то и воду у меня святали, батюшка святил. И в этом году было служение (дома), певчие приезжали из церкви, батюшка и люди приходили. Народ деньги давал».

Свеча. Один из наиболее сложных вопросов, без рассмотрения которого невозможно понять всю религиозную подоплеку обычая — это восприятие свечей самими хранителями традиции, их взгляд на специфику именно этих, специально изготавливаемых и бережно хранимых атрибутов православной веры.

Уже сам материал, из которого делается свеча, — пчелиный воск — позволяет жителям тех мест, где принят обычай, наделять ее особой сакральной сущностью. Традиция употреблять только натуральный воск для очередного наращивания свечи соблюдается неукоснительно до сих пор. Это объясняется не только тем, что воск — традиционный материал для изготовления свечей (для любого вида использования) до появления других материалов⁷⁹. В народных представлениях воск наделяется особой чистотой и святостью в связи с сакрализованным статусом пчелы, приобщением ее к миру святости. Это представление можно считать традиционным и для русских, и для белорусов; помнят о нем и сейчас. Так, именно освященный особенной благодатью материал отличает, по мнению одной нашей собеседницы, свечу от иконы: «(Свеча и икона — одно и тоже по смыслу?) — Нет, это всё разное. Там написано художником, фотографом, а это воск. Воск обязательно. Пчела — это святая. Есть даже пословица: “пчела летит — вот где моя сила горит”, т. е. свечи в церкви. Так бабушка говорила» (д. Сапрыновичи Мстиславльского р-на). На псковско-белорусском пограничье существовало поверье о том, что пчелы — это люди, превращенные в насекомых за то, что недостаточно признавали Бога и нарушили запрет работать по праздникам. Бог оставил у них душу и разум, но велел работать, изготавливая мед — для пищи людям, а воск — для свечи Ему Самому.

Необычен внешний вид общественной свечи. В дореволюционных источниках подчеркивается величина свечей, вес которых доходил до двух-четырех пудов. Неподъемные свечи отдавались в церковь. Свечи, объединяющие несколько семей или единоличные, были значительно меньше. Главной особенностью внешнего вида свечи были более или менее явно выраженные антропоморфные признаки. По словам корреспондента Русского географического общества, «свеча имеет ту особенность, что на нее надевают рубашку, нарочно приготовленную для сего. Нижний конец свечи бывает весьма толст, кверху же она с обеих сторон отпускает вроде рук

⁷⁸ Историко-статистическое описание Черниговской епархии. С. 244.

⁷⁹ Оговорим сразу очень важный момент, который сейчас в церковной практике не имеет значения, во всяком случае, церковь не декларирует его значимость. Дело в том, что характером чудотворности обладала, по мнению дореволюционных авторов, лишь восковая свеча. «По апостольским правилам именно восковая, никакая другая не допускается. И это вошло в жизнь верующих христиан не произвольно, а по учреждению Господню, по преданию и нарушитель (то есть допустивший другую свечу, епископ или пресвитер) подвергаются строгому наказанию — извержению от священнического чина. (Апост. правило 3-е). Особую святость таких свечей утверждали и в России. (Протоиерей Алфеев П. Высокое религиозно-обрядовое значение церковной восковой свечи при православном богослужении // Рязанские губернские ведомости. 1892. 16 сент.)

так, что выходит три конца»⁸⁰. О внешнем подобии свечи человеку писал В.Н. Добровольский, добавляя, что она имела даже глаза — медные деньги, а, кроме того, была одета в рубашку⁸¹. Еще более резко охарактеризовал ее вид церковный деятель М. Лисицын. По его словам, в некоторых приходах, например, Райском (Смоленский у.), «самая форма свечи напоминает отчасти языческих болванчиков, чему особенно способствует украшение ее рубашечкой и лентами»⁸². Не лишне добавить, что этот же автор, допуская изначальную связь свечи с язычеством, признает, что это «во всяком случае уже не осознается нашими крестьянами»⁸³.

Трудно сказать, везде ли на Смоленшине свеча было столь своеобразна. Полевые исследования на белорусском пограничье, где обычай сохранялся до недавних пор, а кое-где существует, хотя и в сокращенном виде, сейчас, дают аналогичные материалы в отношении как коллективных, так и личных свечей. В описаниях свечей нашими собеседницами часто можно встретить ее уподобление, во всяком случае терминологическое, человеку: «Мама сделала на меня (обреклась при болезни дочери. — Т.Л.), лет восемь мне было. Она была как человечек — ручечки наверх и голова» (пос. Андраны Мстиславльского р-на). Обязательным было не просто украшение свечи, но надевание на нее нарядного комплекса одежды, по наиболее распространенному варианту — без различия «поля» соответствующего святого.

Есть, правда, сообщения о том, что одежда свечей все же различалась. «Свечу разукрашивали, кофточку из материала, безрукавочку, юпичку, брыжечку, бусы, кто и крестик подцепит. Каждый по-своему наряжает. Михайлу наряжали так же, как мужчину, — як юбочку и сшивали», «у Никольской — мужская одежда, как штаны были» (деревни Саприновичи, и Милейково Мстиславльского р-на). «В церкви видела свечи. Мужчина (свеча, посвященная святому. — Т.Л.) — и шапочка сделана. Туловище сделано, руки прилеплены, у кого руки опущены, у кого вверх. На шее бусы, чи крали, разукраши-

вали. Мужчине штаны делали. Сделаны ножки, промежуток сделан. И не сшито, а так — материалом сделано, обхвачено. Свеча сплошная, но материал подхвачен. Шапочка из материала, круглая, маленький картузочек. Лицо не делали (д. Саприновичи Мстиславльского р-на).

Распространен был и обычай вешать на свечу маленькую иконку, по возможности того свято-го, которому была посвящена свеча: «Крест на свечу вешали и иконку, их не меняли. Например, икона Николы на Никольской свече, а на Юрья, наверное, Юрий висел» (д. Казацкие Балсуны Ветковского р-на).

Даже в трудные в материальном отношении времена хозяева старались «нарядить» свои свечи и обязательно меняли им одежду к дню празднования. «Платыце меняли. Найдешь какой-нибудь кусочек покрасивее, а ведь не было ничего. А у матки были два красивые платка, а мне захотелось платье сделать [свече] и сделала. (*Считали свечу свою?*) — Да, она была сделана мне. И найдешь ленточки кусочек, в течение года где-то добывалось, чтобы ее завязать красивее. Одевали и мужскую, и женскую свечу в платыце одинаково. И в церкви стоят все в платыцах, с бантиками. И еще копейку посадят на грудь (свечи) или пятак или три копейки.* Почему — не знаю. Иконку (на свечу) не вешали, тогда не было таких иконок» (пос. Андраны).

Традиция одевать свечу, вызывающая невольно у зрителя аналогию с изображениями человека, могла определяться двумя факторами, о которых говорят и наши собеседницы. Первый связан с восприятием свечи как святого предмета, аналогичного по значению иконе. «Почему наряжали? Так икона должна быть в полотенце, голой нельзя ставить. Так и свеча, не положено, чтобы была оголенная» (д. Малятичи Кричевского р-на); «наряжали — а як же она голая будет? Человек же он не голый, надо ж его одеть, так и одевали. Ленточки одевали, платочек завяжут, косыничку такую маленькую. И як человечек... Наряжанная: як платыце, ленточки привязывали. Як кукла какая. Тут шире, тут уже и голова» (д. Селец Мстиславльского р-на).

⁸⁰ АРГО. Р. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 10. Смоленский у.

⁸¹ Добровольский В.Н. Указ. соч. / / ЭО. 1900. № 4. С. 2.

⁸² Лисицын М. Указ. соч. С. 272; Добровольский В.Н. Указ. соч. С. 2.

⁸³ Лисицын М. Указ. соч. С. 273.

* Трудно сказать, является ли монета в данном случае символом богатства или употреблена как предмет, часто входивший в женские украшения. Но можно вспомнить об историческом примере соответствующего украшения свечей. Так, на царских свадьбах «на свечи (жениха и невесты) надевались серебряные или серебряно-вызолоченные обручи и бархатные или атласные кошельки». См.: Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1989. С. 547.

Второй фактор — более pragматический. Многолетние налепы новых порций воска придавали свече, в конце концов, малоэстетичный вид, что никак не соответствовало ее святой сущности. Как говорят, «голая тела не должна быть. А такая свеча, что ее все время налепливают, она же некрасивая. А такую же некрасивую как ставить!» (д. Малятичи). В дальнейшем традиция одевания могла трансформироваться. Сама форма свечи, восприятие ее как предмета женского рода*, желание украсить объект благоговейного поклонения, на который возлагалось столько надежд, — всё это могло привести к появлению того довольно типового комплекса нарядной женской «одежды», о котором рассказывают наши собеседницы и который можно сейчас увидеть на обрядовых свечах. В дореволюционных материалах сообщается обычно о надетой на свечу рубахе, но не более. Мужской же костюм на свечах, посвященных мужским святым, как нам думается, — явление довольно позднее и не получившее широкого распространения. Там, где основным атрибутом была свеча-икона, восковые свечи также наряжали и часто нарядно, хотя, как правило, они имели менее выраженный антропоморфный характер.

И все же какими-либо данными в пользу того, что местные жители отожествляли свечу и празднуемого святого (или празднику), мы не располагаем. Интересно, что на вопрос о причинах участия в общем праздновании свечи или изготовлении личной, независимо от того, какому святому или празднику посвящена свеча, обычно следовал ответ: — «я обреклась Богу», «свеча — это для Бога. Я обреклась Богу, я для Него все делаю. А Бог мне должен помочь, как Он считает» (г. Мстиславль). Может быть, поэтому, в словесных формулах, сопутствующих проведению праздника, свеча обозначается не по празднуемому святому, а как «Божья свеча»⁸⁴. Многочисленные распросы на этот счет позволяют сделать вывод, что молитвенное и праздничное служение данному святому в конечном итоге подразумевает видение возможности обращения к Божественному миру, к самому Богу как воплощению высшей всеохватывающей и всемогущей силы. Возможно, поэтому не всегда понятно, что побуждает выбирать в качестве святого патрона, которому посвящена

свеча или свеча-икона, определенного святого (за исключением упоминавшихся посвящений святой Варваре и Николаю Чудтворцу, чье безусловное почитание не требует объяснений).

Далеко не всегда наши собеседницы могли сказать что-либо о характере своей веры в связи с изготовлением и празднованием свечи. Наиболее частые ответы: «Обреклась Богу на детей», «обреклась Богу на хозяйство» и т.д. Пожалуй, наиболее точный ответ дала жительница д. Малятичи на вопрос, кому посвящена все-таки Ильинская свеча — Илье Пророку или Богу. Из ее ответа ясно, что проявление почитания определенного святого — это действие, угодное Богу, в ведении Которого находится весь божественный мир: «Богу посвящена, так считается. А Илья — это служитель был Бога. (*Но почему тогда не обратиться прямо к Богу?*) — Делают святому что-то хорошее, но Бога каждый день поминают. А этого святого — не каждый день, а тут в церковь ходят»; «это же от Бога свеча. Это же апостол Илья, и Николай угодник, и Петро — от Бога» (Кричевский р-н).

Как правило, нет деления на «мужские» и «женские» посвящения свечей (или свечей-икон), за исключением святой Варвары как покровительницы женщин. Разделение свечей по признаку пола можно встретить лишь в некоторых суждениях. Так, жительница г. Кричева воспринимает фамильную Никольскую свечу, защищавшую прежде всех мужчин семьи, как и самого Николая Чудотворца, т. е. как «символ защиты Отечества. Если копнуть поглубже, то она как символ защиты всех защитников, солдат. У нас все пришли с фронта. И как символ благополучия. (Это не сам Николай чудотворец?) — Нет. Это [свеча] — символ мужества, добра».

Почему именно свеча стала главным сакральным атрибутом празднества в данной местности, сказать трудно. Нам думается, что основным содержанием самой свечи была ее каноническая функция атрибута веры. Церковные свечи всегда были объектом особого религиозного почитания; с ними были связаны представления о восхождении, вместе с уходящим ввысь пламенем моления к Богу и одновременно очищения пространства, придания ему святости. Обетная свеча — это символ усиленного моления. Сейчас даже наибо-

* Восприятие свечи как покровительствующего женского начала, конечно, присутствует в представлениях местных жителей. Например, на вопрос, не воспринимает ли она свою Михайловскую свечу как самого Михаила Архангела наша собеседница ответила: «Нет, Михайло — это мужской праздник, а свеча — она женская, поэтому ее и наряжаем. Свеча — это женский род» (г. Мстиславль).

⁸⁴ Жудро Ф. Ф. Указ. соч. С. 234.

«Свеча-икона». Город Денисовичи, Злынковский р-н, Брянская обл. 2007 г.

лее религиозные и религиозно грамотные люди затрудняются высказать какие-либо соображения относительно семантики свечи, хотя, безусловно, связывают с ней усиление конкретной помощи, приходящей свыше: «Это же не заставляли, желание твое. У женщин ведь — каб Господь помогал, каб не болел, каб Господь всюду ангелов-хранителей [посыпал]» (д. Курманово Мстиславльского р-на).

Один из моментов, который позволяет лучше понять сущностное значение свечи и как отдельного атрибута праздника, и как самого праздника, — обязательное соединение свечи и иконы. Свеча никогда не переносится без иконы, и точно так же при переносе иконы — там, где она является основным атрибутом обряда, — наряду с ней несут украденную свечу. Обычно они рядом стоят и дома в красном углу. На вопрос о том, что же является более важным: свеча или икона, пожилые женщины отвечают: «свеча же просто так не горит, а только перед иконой», «одно без другого не бывает». Два православных атрибута составляют символическое целое: свеча — вознесенная молитва, икона — образ святого и, шире, образ божественного мира, к которому идет обращение. Коллективная свеча — это мистическое предстояние перед Богом коллектива лиц, связанных определенными социально-религиозными отношениями.

Некоторые и саму свечу приравнивают, по значению, к образу: «Свеча — та же икона. Что Божьей Матери молятся, что на эту свечу». Иногда в известных и в русской, и в белорусской традиции обрядово-магических действиях наряду с иконой принимала участие и свеча. Так бывало, например, при пожарах: «свечу выносят и обносят кругом горящего дома, чтобы дальше не пошло. Одна икону несет, другая — свечу. И молятся: “Отверзни, Господи”. Это если любой дом горит» (д. Речица Чериковского р-на).

Из контекста высказываний ясно, что сама свеча (как и свеча-икона) имеет сакральный смысл покровителя определенного коллектива или отдельного человека и его семьи. Присутствие ее в доме — это присутствие Божьей благодати. Восприятие свечи как воплощения покровительства и помощи Божьей определяет соучастие ее в самых разных практических делах. Особенно это касается личных свечей. Так, по словам пожилой жительницы д. Малятичи, «як только что-то с внучкой, так я молюся и эту свечку запаливаю. И дочка, она огурцы в парниках расстила, так носила эту свечку туды, и иконку от свечки, и полотенец», т. е. поступала по правилам обращения с семейной святыней.

Силой святости обладают, с точки зрения многих наших собеседниц, как сама свеча, так и надетое на нее «платье». Каждый год в праздник при обновлении платья старое не выбрасывали, а бережно убирали и хранили. Эту традицию сохраняют и некоторые хозяева (постоянные или временные) свечей и в наши дни. Другие снятую «одежду» отдают в церковь: «Я сниму платыце, выстираю, поглажу и все в церковь к Божьей Матери повешу. А нее другое платье» (д. Малятичи Кричевского р-на); «платье храню или же отдаю в церковь. Их, эти платыца, нельзя никуда деть. Это же традиция, это же церковное. Она же посвящается, как же выбросить?» (г. Мстиславль). Одежде свечи придавались и целебные свойства. Как говорят, «если у кого-то что-то болело, так брали фартушки эти (которые снимали со свечи при обновлении. — Т.Л.) и прикладывали к больному месту. Говорят, что помогало» (Гомельская обл.). Несомненную пользу здоровью приносит и соучастие в наращивании свечи: «каждая воск мнет, говорят, чтобы руки не болели» (д. Малятичи).

Изготовление свечей и свечей-икон (определляемых так же, как «свеча») укладывается в общую православную практику обетных обращений к Богу, которые включали в качестве одного из вариантов и приобретение общественных святынь с дальнейшим празднованием дней выбранных святых или праздников. Отличие состоит в специфике празднования и особенностях взаимоотношений лиц, связанных этим празднованием.

Во второй половине XX в. шло постепенное угасание традиции общественно-религиозного празднования в регионе, причем особенно интенсивно на территории Смоленщины. Характеризуя традицию на белорусском пограничье, местные жители единодушно отмечают многочисленность свечей еще в недалеком прошлом. Как сказал настоятель храма из г. Климовичи, «сейчас (2004 г.) на Введение приносили одну свечу. Лет десять назад стояло на основные праздники — Николу, Екатерину, Варвару, Рождество — 10-15 свечей. Уходит традиция...».

Сохранность праздника в разных районах неодинакова. Пожалуй, в традиционном варианте обрядово-праздничное действие едва ли где можно увидеть. В наиболее полном варианте оно представлено в Гомельской обл. — там и сейчас в ряде мест происходит не только празднование, но и ритуал передачи свечи-иконы из дома в дом. В Могилевской обл. интересные варианты традиции сохранились в наибольшей степени в Мстиславльском р-не, есть в Климовичском

и Кричевском и почти полностью отсутствуют в Хотимском р-не. Главная причина ухода традиции, которую называют сами жители и которая является, скорее, следствием более глубоких изменений в социально-религиозной жизни села, — нежелание молодых принимать икону у себя, что требует определенных затрат времени и денег. Обычно отмечают и характерную для наших дней необщительность населения, замкнутость: «стали замыкаться, в клуб не ходят, у всех телевизоры, домашние кинотеатры. Не хотят, чтоб и гости пришли. После войны были дружнее» (д. Малятичи).

На самом деле ушли в прошлое две главные составляющие праздника: безусловная вера в Бога, получившая в свое время в силу определенных условий своеобразную форму выражения, и общинное сознание, признающее особую силу коллективной молитвы. Как сказал по этому поводу один наш собеседник, «молодые не стали веровать в Бога. Считают себя выше Бога: я сам хозяин земли» (д. Малятичи). С точки зрения местных жителей имеет значение и то, что ушло поколение «знающих» женщин, способных вести всю молитвенную часть праздника: «Беда, нема у

нас кому помолиться Богу, нема молитв больших. Старые поумирали, они знали. А сейчас никто не молится» (д. Малятичи). В некоторых местах Гомельщины, где сохраняется перенос свечи-иконы, приглашают священника, который совершает положенные молебны и сопровождает процессию во время переноса свечи.

Патрональные святыни до сих пор вызывают чувство глубокого почтения у жителей. С ними никогда не обращаются небрежно, в случаях, когда эти сакральные предметы остаются «бесхозными», их передают в церковь.

Заключая рассмотрение различных материалов, относящихся к данной традиции, мы можем сделать вывод о том, что перед нами одно из наиболее интересных проявлений народной религиозной жизни. Его детальный анализ показывает, что при всем разнообразии своеобразии вариантов религиозная традиция не выходит за рамки церковной жизни, не несет в себе какого-либо противопоставления канонической форме православной организации жизни мирян. Обрядово-праздничное действие включает в себя как внецерковный ритуал, так и обязательные благословение и освящение церкви.

